

СМЕНА

21-22

1946

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Ноябрь. № 21 — 22, 1946 год.

Год
издания
23-й

О РАБОТЕ С ЛИТЕРАТУРНОЙ МОЛОДЕЖЬЮ

В советской литературе живёт и работает большой отряд литературной молодёжи. Это поэты и прозаики, драматурги и критики. Среди них есть и те, кто делает лишь первые, робкие шаги, и писатели с отчётливо складывающейся творческой индивидуальностью и некоторым литературным даром. Издательствами союзных и автономных республик издаётся большое количество книг молодых писателей. В республиканских и областных журналах и альманахах печатаются множество стихов, рассказов, очерков, принадлежащих перу молодёжи.

Немало книг молодых писателей издано московскими издательствами.

Эти факты, свидетельствующие о здоровом росте и развитии нашей литературы. Но над ними стоит задуматься и в ином плане. В современном капиталистическом мире путь молодого, начинающего литератора усложняется труднейшим, почти непреодолимыми препятствиями. Особенно тяжёлый путь писателя из народа, пытающегося выразить в своём творчестве мысли и чувства трудящихся. Сотни и тысячи талантов из народа уходят, не успев раскрыть, под гнётом условий, созданных для начинающих писателей в «свободной» буржуазной литературе.

В нашей стране молодой писатель встречает широкую государственную и общественную поддержку и помощь. Это не значит, что перед ним не встаёт никаких трудностей. Но эти трудности творческие, это трудности творческого роста и совершенствования, без которых невозможно развитие литературного дарования.

Литературное творчество — одна из труднейших областей человеческой деятельности. Одной литературной одарённости, — она недостаточно для того, чтобы стать «книжником человеческих душ». В нашей стране писатель — учитель жизни, духовный вождь народных масс. Он активный участник огромной работы по воспитанию народа, особенно молодёжи, в духе коммунизма.

Но для того, чтобы учить, надо самому много знать, для того, чтобы воспитывать народ, надо самому иметь передовое мировоззрение, ясно видеть путь развития действительности, обладать жизненным опытом. Высокая общественная идея, глубокие и всестороннее знание народной жизни, широкая образованность — все эти качества, возможные на литературный талант, на остроту писательского зрения, и умение мыслить в образах являются обязательным для настоящего мастера советской художественной литературы. Значительная часть этих качеств приобретает в самом ходе жизни и труда молодого литератора, если он ответственно относится к своему долгу и

понимает великую роль литературы в жизни общества. Путь от литературного ученичества к мастерству труден, но действительно талантливый писатель, стремящийся служить своим искусством народу, настойчиво и упорно работающий, преодолевает трудности этого пути. Он преодолевает их и потому, что в своём труде он получает помощь и поддержку нашей общественности и государства.

Работа с молодыми литераторами ведётся у нас в различных формах. Тем, кто активно интересуется художественной литературой, пытается пробовать свои силы на этом поприще, могут помочь и помогают литературные кружки. Литературные объединения при издательствах, редакциях газет и журналов ведут работу с теми начинающими, кто уже выступает со своими литературными произведениями в печати. Органы и местные отделения Союза писателей работают с молодыми литераторами, устраивая творческие вечера, обсуждения их стихов, рассказов, очерков. Литературный институт Союза советских писателей организован для того, чтобы давать высшее филологическое образование молодым поэтам, прозаикам, драматургам и критикам, уже проявившим себя творчески.

Наконец, с молодыми писателями, уже профессионально занимающимися этим трудом, повседневную работу организационно проводит организация Союза советских писателей. Творческие секции и комиссии писательских организаций, помимо обсуждения и анализа творчества молодых, созывают периодические конференции и совещания литературной молодёжи, вовлекая их в жизнь Союза писателей. В Москве организован лекторий, ориентирующийся в своей работе как на старшее поколение писателей, так и на молодёжь. Циклы лекций, читаемых в лектории, должны дать теоретическую закалку нашим литературным кадрам.

«Писатель не может плестись в хвосте событий, он обязан идти впереди рядов народа, указывая народу путь его развития. Руководствуясь методом социалистического реализма, добросовестно и внимательно изучая нашу действительность, стараясь глубже проникнуть в существе процессов нашего развития, писатель должен воспитывать народ и вооружить его идейно. Отбирая лучшие чувства и качества советского человека, раскрывая перед ним зашифрованный его день, мы должны показать и те же время и люди, какими они не должны быть, должны быть пережитки вчерашнего дня, пережитки, мешающие советским людям идти вперёд. Советские писатели должны показать народу, государству, партии воспитать нашу молодёжь бойкой, верящей в свои силы, не боящейся никаких трудностей.»

Из доклада тов. А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Правление Союза советских писателей предполагает создать специальный отдел по работе с молодыми писателями, который координировал бы все мероприятия Союза и других организаций в этой области. Мы считаем, что основную творческую работу с молодыми писателями должны вести редакция наших журналов и издательства. Именно здесь молодому литератору, пришедшему со своим произведением, может и должна быть оказана реальная и действенная помощь. Работа опытного писателя и редактора над конкретным произведением нового автора — основа творческой и воспитательной работы с молодыми. Вся история нашей литературы свидетельствует об этом, и потому так велика роль квалифицированных писателей, работающих в редакциях журналов, в деле выращивания литературной смены. Отдел правления Союза писателей по работе с молодыми будет контролировать деятельность редакций и издательств в этом направлении.

В начале 1947 года по инициативе центрального комитета ВКВСМ в Москве созывается творческая конференция молодых писателей. Конференция организует совместно Союз писателей и ЦК ВКВСМ на неё приглашаются молодые писатели из союзных и автономных республик, из краёв и областей РСФСР. Участники конференции заслушают и обсудят доклады руководителей комсомола и Союза писателей о задачах литературы, ряд докладов по теории советской литературы. Затем в секциях прозаиков, поэтов, драматургов, созданных из числа участников конференции, будут подробно обсуждены при участии квалифицированных литераторов произведения молодых писателей. Надо думать, эта конференция будет важным этапом на пути творческого роста и совершенствования нашей литературной молодёжи.

Мы ждём, что в поселебные годы развитие нашей художественной литературы примет широко масштабы и войдёт убыстренными темпами. Могучим стимулом такого развития являются решения Центрального Комитета партии о журналах «Звезда» и «Ленинград», о репертуаре театров и о фильме «Большая жизнь». В них сформулированы требования советского народа ко всему фронту нашего искусства. Они открывают перед каждым советским писателем широкую перспективу творчества, одухотворённого большестийской идейностью и великими цолами коммунистического воспитания народа. Литературная молодёжь призвана сыграть большую и важную роль в развитии советской художественной литературы. В этом ей помогут партия, комсомол, писательские организации.

Андрей ШМАНКЕВИЧ

ЖЕЛЕЗНАЯ СОПКА

Только на Дальнем Востоке, в широком краю Приамурья, бывают по осени такие красивые вошпёные закаты.

Кончался ясный день пути. Солнце спускалось за синий гребень тайных сопек, и казалось, будто за гребнем собрал вместе сотня прожекторов и пустил их зеленеватые лучи огромным веером по всему небосводу. Лучи пронизывали облака — красивые, розовые, фиолетовые, с золотой опушкой по краям, — и проливали в бесчисленных причудливых образах, и весь мир был расписан радугой.

— Прощайный салют счастливого дня! — сказал Борис, сняв шляпу и помахал солнцу.

Сергей глядел на него и повернул, чтобы взглянуть на закит. Борис не видел его лица за сеткой накомарника, но хорошо представлял себе и его серые, холодноватые глаза, и тонкий нос с лёгкой горбинкой, и ту, немного ироническую улыбку, которая так часто стала появляться на лице друга.

— Послушай, дуб. Обернись, посмотри, а какое чудесное искусство ты путь держишь!

Сергей продолжал грести молча. Даже под толстой фланелевой курткой было заметно, как сокращались его биения при каждом движении. Гребё он размеренно, словно машина, ко всему безразличный, и это раздражало Бориса.

— Ты посмотрелши или нет?! — крикнул он. — Так бы вот и ступил тебе в нос!

— Оставь, — буркнул закончил Сергей. — Сматри, если тебе это интересно. Я предпочитаю смотреть на иосковские закаты... Держи лучше ближе к берегу.

Ручинок медленно продвигались против течения. У берега оно становилось тише, но из-за каждого куста тальника поднимались тучи гусей и комаров, и отбиться от них не было никакой возможности. Пришлось и Борису одеться накомарник.

— Салют счастливному дню... — вдруг заговорил Сергей. — Почему же это он счастливейший?

— Да хотя бы потому, что мы на день ближе к цели!

— Великое счастье!.. Вот если бы мы хоть

Рассказ

на один метр были подальше от всей этой преисподней...

Сергей неопредёленно махнул головой, так что Борис не понял, к чему относился этот жест — ко всему окружающему или к комарам, атаковавшим в темноте ещё наступившее.

За поворотом реки открылся костёр. Это проводник нанял Кальдуку, обогативший геологов, готовил стюкаку. У него уже варились уха в котле, кипел чайник, а на сковороде поджаривались жареная каша из расстёртого сазана.

Сергей сбросил накомарник и растянулся у костра.

— Твою уморилась? — спросил Кальдука.

— Да, уморилась... Гнусный край, каторга!

— Борис, твоя тоже говори — каторга?

— Не обращай на него внимания. Кальдука, отодвинулся Борис и тут же набросился на Сергея:

— Ты мне одню объясни: за каким чертом тебя повело на геологический?

— Игра судьбы. Мечтал быть артистом. Не приняв.

— И правильно сделал. Откровенно говоря, я рад за советский театр.

— Откровенно за откровенность: мне надоела твоя изаойнчивость. Зуднишь, а как комар!

— Это не изаойнчивость, но мне обидно, что после столько лет дружбы хочешь иногда сказать тебе, что ты...

— Обмануть, — закончил за него Сергей.

— Нет, но... выдвигает и обязывает. Вот что я теперь о тебе думаю!

Сергей насмешливо покосился на товарища:

— Мастер ты ярлыкчи заклевывать. Профессиональная привычка геолога?

— И правильно делю. Не люблю тех, кто кинется, когда их комары кусают!

— Ну, пошёл!.. Кальдука подумает, что меня до сих пор нама за руку водила и носик пла.

Кальдука хитро улыбнулся.

— А комаров зачем тыя бодлел? Комаров

думом гонять надо, вот так! — Кальдука схватил охапку старой травы в бросил в костёр: густой дым обволок стюкаку.

— Верно, Кальдука! Да если бы всего этого не было — вот этого гнуса, тайги без доро, речек без мостов, чорта, дьявола, так а бы и не стал геологом. Наверно, тоже в артиста бы подался! Не узнаю я тебя, Сергей, после войны. И если бы не были мы там вместе, я бы подумал, что ты отнял у кого-нибудь орден. А я вот хочу получить ещё одну медаль — «За победу над тайгой». Смеётся? А вот буди! Как найду железную гору, так сам себя откую медалью за этого железа.

— Сергей, Бориса найдет железный сопка... подхватил наняец, — пийдет! Кальдука знает!.. Кальдука тебе будет кода, с тобой ходи.

— И ты медаль хочешь получить?

— Проволик обиделся.

— Зачем медаль? Зачем ты смеялся? — он вдруг схватил чайник с кинжком в поддекопчик к Сергею; тот немолжно привстал.

— Твою лежи... Не смейся: чайник — железо... котёл — железо, воклик — железо, острога, инструмент, тапка — железо! Зачем Кальдука ходи! Наняйски люди шибко железу нуажо! Проволик на мгновление замолчал, потом добавил: — Медаль, однако, тоже хорошо.

Сергей ало шаркнул полено в котле. Взаметнулся стои испр.

— Почему на вас с тобой свет клином сошёлся? — обратился он к Борису. — Мы четыре года позолзи на бромке под пулями. Вот сколько геологов и не пошло пороку. Сидит в гавайках за институтами! Пускай они попользуют по этим трущобам, а я посижу на их месте... Одичать можно!.. Я тоже хочу в театр ходить, в музеи. Да, наконец, жонить-ся хочу, семью иметь. Что, теперь ты улыбаешься? Улыбайся, но я прав... И давай прекрати этот задушевный разговор, товарищ начальник. Надоело. Кальдука, где же твой бабушка Еле? Скоро завед?

— Что, тебе надоело гребь-гребь? Скоро забудет. Ночь сия, ещё мала-мала гребли — и в свет. Кета шибко пошла, бабушка Еле много работа ест, много берн искра, много делат молодой еста.

Но тут в руках Сергея блеснул нож...

Аэрофотограмма указывала на месторождение железной руды в горных реках Величаника. Геологи торопились, чтобы вернуться до ледостава на Тунгуске, делая большие переходы и так уставали, что по утрам Кальдука буквально приходилось вытряхивать их из спальных мешков.

Солнце ещё не поднялось, когда лодки уже двинулись вверх по реке. От воды поднимались розовый туман с перламутровым отблеском. Кальдука выгребал метрах в десяти румянки; он как будто разложил туман своим коротким веслом, всё время перебрасывая его с одного борта на другой.

Нанею то и дело нагибался над бортом, точно отыскивая на дне знакомые предметы пути. Вдруг он схватил острогу и метнул её в воду. Дрессю забросил в его рукав, и он поднял над водой большую серебристую рыбу с красными полосами по бокам.

— Шабко много кета идёт! Икра много, вкусная!

Широко улыбаясь, Кальдука показывал Борису кету, но тут же испуганно посмотрел по сторонам.

— Вапа, однако, не говори бабушка Еле, что в эту рыбу острожили. Ему шибко будет серый. Она такой сердитый.

Вскоре проводник свернул в устье небольшой реки. Течение здесь было сильнее, чем в Тунгуске, а вода такая прозрачная, что и Борис, наклоняясь над бортом, видел, как у самого дна проносились серебристые тени рыб. Кета шла густыми косяками, иногда в два, три слоя.

Река сузилась до того, что местами деревья сплетались ветками над водой, и лодки пробирались, как в тоннеле. Многочисленные дальневосточная осеи уже парились деревья в паревый осенний парад. В воде отражались черное золото дуревских берег, светлая бровь золота и ялвон. Широкие листья на колосах дикого индиго горели, как нитки из райлово. Но лето ещё не хотело уходить из тайги, и многие деревья стояли зелёные.

Неожиданно берега раздвинулись, и лодки вышли на довольно спокойный плёс. В голо-

ве плёс Кальдука выскочил на берег и вымолок из воды свою лодочку; затем он помог геологам вытянуть румянку и укрыть лодки в зарослях тальника.

— Пусека здесь нас дожидала. Дальше плыть нету, дальше хода нада. Мала-мала ходи — и завои, — сказал он.

Как ни тяжело было грести против течения, идти с полными рюкзаками оказалось ещё тяжелее. Как всегда, Кальдука, навьюченный дотошнее, шагала вперед. Сергей хотел взять у него часть лодки, но проводник только усмехнулся:

— Моя всё время могла носить. Твоя, однако, скоро всё будет бросать...

Кальдука был прав: скоро у геологов заняли плечи. Сергей, да и Борис то и дело останавливались, поправляли лямки, перебрасывали рюкзак с одного плеча на другое.

«Так и на фронте сначала было, — вспоминал Борису. — Надо втиснуться, потом будет легче».

А Кальдука всё шагал и шагал и все дельше, тем, казалось, быстрее. Прижимаясь к реке, тропа то поднималась на сопки, то сбегала в распадки. Вдур проводник остановился и помахал рукой геологам.

— Смотри! — прощентал он.

Почти на середине реки, на большом плоском камне, сиял медведь. Наклонившись вперед, он то и дело запускал лапы в воду и выхватывал кету.

— Ему рыба ловит. Без сетки... Медведь не ел рыбу, а только прокусывал её голову и, когда она переставала биться, подсовывала под себя. С камня уже свалилось несколько хаостов.

— Моя будет его прогонять, однако. Его шибко много рыба порти, — решительно заявила проводник.

Одна рыба выскользнула из мишиных лап и поплыла. Медведь потянулся за ней и столкнулся в воду весь уло. Но он не погнался за рыбой, а только зло зарычал и принялся ловить снова.

Кальдука снял с ремня рюкзак и шагнул вперед. В этот момент рядом с медведем в воду упал камень, а вперед за кустами громко крикнула женщина:

— Пошёл! Пошёл! Проваливай отсюда.

Медведь от испуга потерял равновесие и упал в реку. Он хотел было снова вскарабкаться на камень, но тут новый булыжник угроза ему прямо в голову. Медведь зарева и бросился по мелководью к берегу, за обидчика.

— Кальдука рывнулся вперед.

— Там бабушка Еле! — крикнул он.

За ним, сбросив рюкзак, побежала Сергей. Борису не повезло: он спотыкнулся о корень, подернул ногу и упал со всего размаха, ударившись грудью о камень. Он попытался быстро встать на ноги и вскрикнул от острой боли в спине.

А за кустами творилось что-то странное: ревел медведь, кричала женщина, ругалась понаехали Кальдука. С трудом освободившись от мешка, Борис, прихрамывая, побежал вперед.

Первой он увидел девушку. Маленькая, худенькая, без кровинки в лице, с широко раскрытыми от ужаса глазами, она стояла прижавшись спиной к скале. Она уже не кричала, а только судорожно глотала воздух.

Огромный зверь с кроваво-красной мордой, поднявшись на задние лапы, наехал на Кальдуку. Проводник отбегал от него прикладом ружья, как дубинкой. Сергей, обхватив медведя за правую руку, правой старался достать охотничий нож.

Страшным ударом лапы медведя перебега ружья Кальдуки, приклад отлетел далеко в сторону. Плахо припадаясь бы и самому проводнику, зверь уже заделал когтями полу его куртки, но тут в руках Сергея баскула нож...

От удара медведь присел, пошатнулся назад, потом снова поднялся во весь рост, аметалл голую и ринулся на землю. Сергей упал ему на спину.

Долго никто не мог прийти к себе. Все насторожилось и со страхом смотрело на медведя. Будто ожидала, что зверь снова заревёт, поднимется и бросится на них. Но он только хрипел, всё тише и тише, судорожно адрагирал и парвала когтями землю.

Первым очнулся Кальдука и принялся кричать на девушку:

— Таюв зачем шибко дурак был? Зачем тыюв ему камня бросил? Заин бросай! Коза бросай!

Мешать зачем трагой? Он мог твою голову оторвать...

А девушка стояла всё в той же позе, прижавшись к скале, не слыша и не видя ничего, кроме убитого зверя. И как им трудно было узнать в этот момент в испуганной девушке соученицу, москвичку, Борис узнал её.

— Не надо кричать, Калюшка. Видишь, она в такт тебе жива, — сказал он и, шагнув к девушке, проткнул ей руку:

— Твой ладный поздравляется, Костина...

Девушка не только не узнала Бориса, но даже не поняла, что он сказал. У неё зародились губы, глаза совсем ло-дески наполнились слезами, и она, опустившись на землю, заплакала.

Геолог и проводник растерялись. Калюшка, желая утешить «бабушку» Еле, присел рядом с ней на корточки.

— Твой больше никогда не трагой его, — как молот полагается.

— Не надо, не надо... А чего он лезет? Я его уже прогнала один раз, а он опять... Сколько истрепал попортил, проклятулицу! — закричались слезами, гогорляла девушка.

— Успокойся, Костина, стой ли нога этого расстраивать? Ей бог, не стонит! — попытался утешить её Борис.

— Как это не стонит? Как не стонит? Да вы знаете, что это шестаястиль? Знаете, что это уже моя кета, понимаете, моя? Я её вот такой малюсенькой знаю! Да я её!..

Тут Костина вдруг узнала Бориса; она вслепую руками, асочила и бросилась к нему.

— Ой! Борька!.. Камнишви!.. Да откуда ты явился как бы сюда попал?

— Да вот попал. А ты как здесь очутилась?

— Здрасьте! бабушка Еле, здраствуйте! — поспешно пролеп Калюшка, стаскивая с головы шапку.

— Калюшка! Калюшка! Ой, как я рада! И Борис, и Калюшка, и...

Костина повернулась к Сергею и замолчала.

Сергей всё ещё сидел врозь на медведе.

— Здрасьте! Еле! Костина! Хитрюк!..

Здесь вот работало, на рыбоземном заводе... Спасибо вам! Если бы не вы все... Что бы он со мной сделал, чтобы ему пропаст?

— Ему пропал тебер, совсем пропал, — вежливо сказала Калюшка, — Теперь мы его кушать будем.

— Калюшка! Что ж и забыла тебе сказать? Вижу у тебя! Поздравляю!

Калюшка бросилась подбирать вещи. Сергей и Борис пошли за своими рюкзаками. Борис сально хромал, ступня болела всё сильнее.

— Кто эта сумасбродная? — спросил Сергей.

— Елена? Самая, москвичка. Вместе училась. Хорошая девушка. Почему она тебе покажется сумасбродной?

— Пормальская не полезла бы с камнями на медведя.

— Ну, это смотри при каких обстоятельствах... Неужели она здесь уже сидит лет?.. А я вот понимаю её волнение. Выпустила она малюток кеты в шесть лет ждала, когда они снова вернутся уже ирканками. Шесть лет кормила кормом!

Борис покосился на Сергея. Тот сразу помолчал.

— Я её понимаю. Я бы на её месте и на тигра пошёл.

— Я не заметила, чтобы ты полез на простого медведя, — пролепала Сергей и, схватив мешок, пошла.

У Бориса кровь отхлынула от лица.

— Ой! — крикнул он. — Спой! Что ты сказала? Ты понимаешь, что ты сказала?

Сергей обречённо...

— Что, не нравится?

— Ты же не выдала, что я ушёл... Понимаешь, я хотел! Ноту подержать. Как же ты мог это сказать?

— А ты? Ты мне всё время лояка не даёшь...

Сергей хотел ещё что-то сказать, но тут из-за кустов вышел Еле.

— Ну что же вы застряли? Идите! Вот наша все обрэдурит! Постой, постой, Борис! Вот когда ты мне попался! Теперь ты не уйдёшь. Будешь ещё?

Елена подбежала к Борису и схватила его за ухо. Борис сразу всё вспомнил, и как ни тяжело ему было в эту минуту, он постарался взять себя в руки и пылкою загалал:

— Не боду!.. Ей бог, больше не буду...

— Вы понимаете, тыршишь, этот хулиган-мальчишка истерил мне научный опыт. Я заложил в аквариум сто граммов плавовой акри, думал получить из неё шепоту тырши малак-косты, а получилось, что он разлетелся по всему аквариуму. Что мне с ним делать?

— Отпусти его, бабушка Еле, — вполне серьёзно посоветовал Калюшка.

— Бориса шло далеко искать железный совок! И мой хобби и Сергея.

— Так вот почему вы забрали в наши кармы Молодцы!.. А вы прямо из Москвы? Ну как там она, сляло постарела? Ой, как я хочу в Москву! Вся душа побобелась. Тут надляя самодур просел, тут не резать начал...

— Ну плушкам? Несем алименты?

— Ну, Борис, незамёных мест. Так, дела всё... Я несчастный человек: ни с, дома страшно хочется и здесь всё работает жалко. Да ибывает, я, покуда вам, какое тут у нас хозяйство. Сейчас ведь самое интересное время, нерест.

Вдруг у Елены резко изменилось выражение лица.

— Как ты, Калюшка! — крикнула она гневно, — Где ты заостроила кет? —

— Какую кет, бабушка Еле? — притворился непонимающим проводник.

— Иркупу! Вот эту!

В это же мгновение у Калюшка лопнул мешок. Из прорехи торчала малюшка кета. Елена схватила рыбу и выдернула из мешка. Красные бусинки спелой икры упали к её ногам.

Видно, Калюшка хорошо знает характер «бабушки» Елены: молча смотрела на старика, а он просто ёжился под её взглядом.

— Это мы виноваты, Елена. Мы его покорили, — вступился за него Борис.

— Не выгорайтесь, пожалуйста. Он сам не виноват и знает, что это такое. Это — браконьерство!

— Не надо ругать, не надо!.. Калюшка больше не будет, ей бог, не будет! — попросила старик.

— Ну, прости его, попросила Борис.

— Что значит — прости? Что это, аквариум с плавовой икрой? Да ты знаешь, как нам эту икру добыть? Вот придём на завод — и я всё твою, Калюшка, разыскаю!

Эта угроза особенно сильно подействовала на старика. У него, как от боли, сморщилось лицо, и казалось, что он вот-вот валяется.

— Значит ты будешь говорить? Твоя голова не надо. Твой бери палка и бей Калюшка... Больно тебе не выдержала:

— Ты, Калюшка, прямо, как ребёнок. Ну, ладно уж, не скажу. Только чтобы это было самым, самым последним раз!

— Обрэдурит, обрэдурит, бабушка Еле! — обрэдурит старик, и сразу лопу у него поспевало.

— Кетты, почему ты «бабушка, Елена?»

— Почему пользуешь, Боренька, — ответила Елена и уже совсем аседло посмотрела на обрэдурит.

Тропа привела на поляну, зарезанную ручейками, сбегавшими с окрестных сопок. У опушки стоял большой рубленый стол, ещё только, но уже покативший от ветра. У дома гукали свист, сарай, амбары и другие постройки. Целая свора собак выинулась навстречу Елене и её спутникам. Калюшка крикнул что-то собакам по-ирански, и они сразу уложились и заперлись у его ног.

Из большого дома выбежали несколько найденцев и двинулись навстречу гостям.

Борис не предполагал долго задерживаться на заводе. День, от силм два. Нужно было

сделать маленькую перемену: дальше предстояло идти без дорог, по аверным тропам, на северо-восток, в сопки, к истокам Великой. Но люди на завод были так рады гостям, что и слышать не хотели о прощании.

— Успокойся, Елена, ты же знаешь, зачем! — бормотал Иван Павлович, директор завода. — Нам надо покормить: мы ведь здесь, как борожи, живём, всякому гостю старому рады. Да, кстати, и ноуу Борис Михайловичу подлить надо. И скажи Калюшке, чтобы он проводил вас самой короткой дорогой к железной дороге.

— Да есть ли она ещё?..

— Есть, Сергей Васильевич, обязательно есть. Вы не знаете этого край. Здесь всё есть, всего полно: медведи, олени, асаго, асаго мне придёт выместить, асаго будут на проходах, но ей надо в Москву, надо шагать дальше. Она заслукавала. Да, молот, девушка она, как говорится, на выдуме. А женьков здесь один только я... А вы не смейтесь: мне асаго тогда тридцать шесть. А те тридцать два, что я в тайге прожил, в счёт не идут. В тайге люди не стареют...

Чем больше смотрел Борис на Елену, тем чаще аспешные скаку по гадкого утёнка. В Москве даже после десятилетия никто не уважался за Еленой, и в школе она не отличалась ни одной записки. Тогда она была убогая, неолова. Все потешались над её близорукостью: читая, она подносила книгу к самому носу. Но, дружелюбно, нию ребята несадо отыкото что-то получило из её характера. Может быть, смелость и предпринимательство, да ещё прямота и совершенная честность во всём, в большом и малом. Борис не видел её лет десять и за эти годы она поразительно изменилась. Она стала свободнее и в каждом её жесте, в каждом движении, в голосе появилось обаяние, подкупающее и чарующее.

Елена видела геологов по всем участкам своего большого хозяйства. Удалась, она и не заметила, что Борис и Сергей не разговаривают друг с другом. Впрочем, и с ней Сергей почти не говорил. Он ходил молча, слушал как будто из вежливости и смотрел на всё с иронией, как на детскую забаву.

***

Всё дно мелководных ручейков было покрыто песком и мелкой галькой. Подводные камни пенелили камни. Здесь сама природа создала все условия для нереста.

Ничего не видя, никого не боясь, самки и самцы кеты, в ярком брачном наряде, носами и плавниками прорывали на дне узкие бороздки. Самки откладывали в них икру, а самцы заборола змеялись бороздки, зарывая каждую ирку. Когда всё было кончено, кончался в миллионных ирканок зародилась новая жизнь, рыбки, но надо вдруг почувствовалась асаго тяжесть продвинутого пути от моря до нерестилища, отдавались на волю течения, и течению, асаго сила жизни, первоначальная с бока набок.

— Ему теперь совсем прощадья!.. — пояснил Калюшка.

— А знала б эта рыба, что так будет, так её и силой бы не загнать было в эти места. — вслух подумал Сергей.

— Всё равно, что и вон, — возразила Елена.

— Тут завод. Завота о потомстве — самый неизменный закон у всего живущего. Да и у людей. Разве не так?

— Не знаю. Не думаю об этом.

— Да вы же и так не идёте на завод, это истина. Вот вы идёте в тайгу искать железную сопку, и хоть и не думаете об этом, но ведь вы не только для себя ищите железо, но и для будущих людей. А я и сейчас здесь с рыбами потомством разумею не для человека, а для черствости? Да на наш век и этой кеты хватит бы.

ЗОЯ И ГАЙДАР

А не позабьются мы, и наши родители знали бы об этой рабе только по картинкам да по чулкам в музее...

— Но мы от наших забот не поиграем.
— Будущая мать никогда не бывает уверена, что всё сойдёт благополучно, однако... Елена вдруг смутилась, и покраснела, добавила:

— Но это уж не моя область. Я истоплю...

Иван Платонов оказался как совместительству и неплохим врачом. В конце недели Борис уже передавался без палки и на следующее утро решил выехать. Ночью он проснулся от скрипа половиц. В комнате было тепло и жарко. Сергей не спал. Он ходил из угла в угол, в термосе красел огайки его папиросы.

— Ты не спишь? — спросила он.

— Нет.
Сергей без разговора по комнате, бросил в угол папиросу и присел на кровать к Борусе:

— Ты проси меня, друг. Я быстро был дурак...

— Уважно самозритку и приседаюсь к предыдущему оратору, — ответил Борис и положил руку Сергею на плечо. — Сначала я страшно на тебя разозлился, а потом решил, что не стоит злиться. Не мое ты сказать это в иррациональном состоянии. Просто ты был авантажем досле драки с медведем. Я знал, что ты попросишь прощения.

На лицо Сергея падал слабый отблеск света из окна большого дома. Сергей смотрел на единственное освещенное окно с таким жарким, какого Борусе никогда раньше у него не замечал. Окно светилось в комнате Елены.

— Ночь — самое подходящее время для исповедья, — заговорила Сергей. — Это точно, что мы завтра удадим?

— А ты спешить куда отсюда?

— Нет. Я ещю вернуться сюда.
Сергей достал новую папиросу и закурил.
— Но если не найдем железа, это верст кроку дам, а сюда же вернусь...

— Это почему же?

Сергей улыбнулся и хлопнул себя ладонью по колену:

— Знаешь, будешь, много разей прослушавши, и гладких в корытах, а до сердца они не дойдут... А тут вот стрелы и с виду слабого человека, чуть ли не девочку... В глухомани жить, на медведя с камнями лететь... И вот стыдно стало, поминаться, за себя, злогоороного дурака, стыдно! Ну, и больше ты меня ни о чем не спрашивай.

***

Провожала голоеое все, кто жил на заводе. Даже ввук Кальдука. Но дальше всех провожала Елена. Кальдука шагал вперед, за ним шла Борусе, а сзади шли стрелы и с виду слабого человека, чуть ли не девочку... Комары носились над ними тучами, корны звали за ноги, летели цепляясь за одежду, но они шла, ничего не замечая.

Перед подъездом на сопку Кальдука остановился:

— Твой ход назад, бабушка Еле. Мы скоро тоже ходим назад. Потом твоя уезжай в Москву.
— Я ещю не знаю, Кальдука уеду ли, — смущалась, сказала Елена.

Она попрощалась со стариком, пожала руку Борусе.

— Пойдём, Борис, Сережа нас догонит... Они обаидею поднимались на гребень сопки. Вперед, сколько вляло было, добавились цветистые сопки, шумела тайга в освещенных цветных и легу летели стая дивки тусой, переливаясь на дугу, а к северу, где-то на странной высоте, урча мотором, летел самолет.

Борусе обернулся.

Сергей бегом поднимался на сопку, а винуу, у руля, стояла Елена и мхала им желтой веткой.

— Скоро Сережа будет забирать бабушка Еле своя фанза, — сказал проводник, хитро сощурился глазу.

— Чей — ушлайся Борусе. — Ты ошибся, Кальдука. Они и не думают об этом.

— Сегодня не думаю, а завтра, однако, думаю. Моя человек старей, много смотри, много понимаю!

В лесу инженеры и рабочие построили два красивых дома. Лес они сторожили забором, и лес стал называться парком.

В домах разместились большой санаторий, в котором люди лечились и отдыхали. Они ходили на лыжах, катались на коньках, играли в снежки и читали хорошие книги.

Так был и в январе 1941 года, в дни, когда здесь встретились Аркадий Гайдар и Зоя Комсомолецкая.

...В парке, рядом с ледяной дорожкой, Гайдар посетил семь снежных баб — большую, поменьше, ещё поменьше и, наконец, совсем маленькую. Две бабы держали ружья «на плечо», две «на караул», две — стояли называться — «руки по швам», — без оружия. А самая маленькая, седьмая баба сидела в просторной спальной из снега палатке за прилашком и торговала всякой мелочью: соновыми пинжками и вороньями перьями. Седьмая баба называлась: марингантика Сигарет.

А все вместе снежные бабы были гарнизоном большой белой крепости. Гайдар эту крепость осаждал, бомбардировал снежками и брал штурмом. Это была очень хорошая игра, а называлась она «война с амалзонками». Даже красивый доктор Аппундук прибежал сюда и с азартом шарялца снежками в зямх бабы баб.

Однажды мы с Гайдаром ремонтировали пострелданий от последнего обстрела и штурма гарнизона крепости. Посыпалась скрип снега под чьи-то легкими, осторожными шагами. Шаги зетихих неслышало, словно повисли в воздухе.

Гайдар обернулся. Девушка — девочка — в корзинке отороченной мехом шубке стояла под большой, старой берёзой. Светило солнце. Неслышно падали хлопья снега с деревьев.

— Вы ко мне? — спросола Гайдар.

— Нет, — сказала девушка — Я не к вам, я сама по себе.

— Так не бывает, — сказал Гайдар. — Это только старик кот ходит сам по себе в джунглях, и ничего из этого хорошего не вышло. Хотите мороженого?

— Откуда у вас мороженое? — спросила девушка, недоверчиво оглядывая пустой парк.

— Мы вчера заняли эту белую крепость, — серьёзно ответил Гайдар. — Пушки и ружья больше не стреляют. Старая марингантика попрережому торгует своими запасами. Мы не обижам мирных жителей.

Он снял рукавицу, залез рукой в снежную палатку и, пошарив там немного, вытащил из потайного угюлка два фунтика мороженого «Эскимо».

— Вам слявногого или шоколадного? — спросила Гайдар.

Девушка засмеялась.

— Я вас знаю, — сказала она. — Вы писатель Аркадий Гайдар. Я знаю вас ваши книги.

— Я тоже вас знаю, — сказала Гайдар.

Вы учитесь в девятом, нет, в десятом классе. И я тоже знаю все ваши книги: алгебру Киселева, физику Соколова и тригонометрию Рыбкина. Вас зовут Натальей, или Зоей, или Марусей, Гром? Заважных стражений не даёт вам спать по ночам, и это понятно, потому что стражения эти не далекие, а совсем близкие.

— Всё это правда, — сказала девушка. — Я учусь в десятом классе, и меня зовут Зоей. Про Гром — тоже правда.

— Очень тревожно жить на свете, — сказала Гайдар. — Слышите? — он подним руку и замор, к чему-то прислушиваясь.

— Слышу, — серьёзно сказала девушка.

— Это пушки, — сказал Гайдар. — Это пулемёты работают далеко-далеко, в Грещи. А это, кажется, бьют марш-поход наши барабаны: каждому отряду своя дорога, свой позор и своя слава.

— Это вы очень хорошо написали, — сказала Зоя.

— Правильно, дорогой товарищ, — сказала Гайдар. — Это я очень хорошо написал.

В парке зазвонил колокол, сзывая народ к обеде.

— До свиданья, — сказала Зоя и убежала, а мы с Гайдаром ещю долго беседовали о том, как велика ответственность человека, который убит других жить, и как должно быть чиста его собственная совесть.

На другой день, утром, Гайдар закатил коня и вышел в парк. Зоя он встретил на китле, они долго катались вместе, и Зоя ещю смеялась над неуважками умением Гайдара. Он давно не катался на коньках и учился кататься заново.

А потом они сидели на скамейке в парке, и Зоя рассказывала Гайдару о маме, о брате, о своей жизни, о том, что вот огончат она скоро дипломатку, а как будет жить, ладно, не знаю.

— Всё у вас прекрасно, — сказала Гайдар, — плохо и хорошо.

— В том-то вот и ладно, — ответил Зоя. — Вот у вас какая знаменитая жизнь — всё как на ладони, и что будет дальше, — всё ясно. А мне всё нужно решать: кем быть и как жить. Плохо — не хочется, а хорошо — трудно.

— Добро и старательно, — пошутил Гайдар. — В старых книжках так писали.

— Добро — это ещю не значит старательно, случастно — это ещю не значит даго, — задумчиво сказала Зоя, и Гайдар посмотрел на неё удивленно.

С каждым днём он всё больше и больше привязывался к этой девочке. Любовь Зоя к книжкам горько називо делалась пологом между Жанной д'Арк и Тимуром. О трудном подвиге в жизни мечтала она. Неясно, загадочно было будущее этой девочки, но интеллект Гайдар чувствовал, что оно будет необыкновенным.

Всё чаще и чаще Гайдар и Зоя уходили гайдом в далекие прогулки по парку, и тогда в санатории ласково говорили: «Нши комсомоальны пошай гулять».

Зоя Космодемьянская.

Аркадий Гайдар.

В этих словах, таивших добрую насмешку над Гайдаром, было много правды. Это были действительно два комсомольца: один, «доблестно вышедший на себе тяжесть всей гражданской войны», — так было написано в характеристике Гайдара, — и другой, у которого было всё верно и даже характеристики его не было. Может быть, поэтому они и подружились.

Гайдар и Зоя часто спорили о жизни. Возмущавшая тревожными событиями, Зоя читала Гайдару героические стихи Гёте, мечтала вслух.

— На землю спускаетесь, на землю! — смеялся Гайдар.

«Лётчики летят своими путями. Капитаны плывут своими морями», — упрямо повторила Зоя. — Зачем же вы так пишете?

Она часто разговаривала с Гайдаром-товарищем словами Гайдара-писателя. У неё была отличная память, и Гайдар с радостью принимал участие в этой литературной игре.

Вот и сейчас Зоя вдруг согнала улыбку с лица и совсем по-ребячьи тихо спросила:

— Аркадий Петрович! Что такое счастье? Только, пожалуйста, не отвечайте мне, как Чукчу и Току: счастье, долг, каждый понимает по-своему. Вель есть же у людей одно большое, настоящее, общее счастье?

Гайдар задумался.

— Есть, конечно, такое счастье, — сказал он. — Ради него живут и умирают настоящие люди.

На другой день Зоя уехала, и Гайдар попрощался с ней у калитки.

— Уезжает лётчик, — сказал он и пошёл по тропинке к дому.

Прошло полгода. Началась Великая Отечественная война. Гайдар шёл по улице Горького, большой и красивый в своей новой военной форме. Дворники закладывали мешками с песком зеркаламы витрин магазинов. Москва становилась прифронтовым городом.

Что-то рука осторожно и ласково вжала Гайдара за рукав гимнастёрки.

— Здравствуйте, Аркадий Петрович! Перед ним стояла Зоя.

— Лётчики приметели, — сказала Гайдар. — Ниши хорошие лётчики.

Он схватил Зою за руку, и они пошли вниз, к Охотному ряду.

Солдаты, командиры и пионеры отдавали честь Гайдару, и он здоровался с ними с весёлой улыбкой, точно радовался каждой такой встрече.

— Уезжаете? — спросила Зоя.

— Уезжаю, — сказал Гайдар. — Завтра.

— Я тоже, — сказала Зоя. — Только ещё не скоро. Но я пошла твёрдо.

И вдруг, как тогда, в парке, она посмотрела на Гайдара совсем по-ребячьи, как смотрят ученицы первых классов на старого любимого учителя.

— Аркадий Петрович! — сказала она. — Вы когда-то писали о том, что не надо бояться смерти. Умирать за большое человеческое счастье не жалко.

— Не жалко, — повторил Гайдар. — Я так писал. Я так до сих пор думаю.

— До свидания! — сказала Зоя. — Спасибо вам за ваши книги, Аркадий Петрович!

Она крепко пожала Гайдару руку и пошла вниз по улице за прохаживавшим троллейбусом.

А Гайдар свернул направо и пошёл за своими документами в Генеральный штаб Красной Армии.

Успехи химии

С то лет назад в Москве профессор Рейс свои лекции по химии читал на латинском языке. Он не задумывался над тем, понимают ли его студенты, а русский язык же считал нужным учить: на русском языке по химии, утверждал Рейс, ничего путного не написано.

Ныне по числу публикуемых материалов советская химия заняла одно из первых мест в мире, и химия самых передовых стран звучит русский язык. Советская химия добилась выдающихся успехов и может полностью обеспечить в новой стalinской пятилетке все отрасли народного хозяйства, нуждающиеся в её помощи. В химическую промышленность в 1946—1950 годах вкладывается столько средств, сколько было ассигновано за три прошлые пятилетки.

Обеспечивая развитие сельского хозяйства, химическая промышленность даст громадные количества удобрений: азотных, фосфорных, калийных. Она снабдит виноградарей, табачные плантации, поля, огороды всевозможными удобрениями и пестицидами. Поколения ассигнований на химическую промышленность уйдёт на выполнение этой задачи. Другая половина будет израсходована на выпуск пластмасс, синтетического горючего, искусственного волокна, красок, клеев, полупроводников для других отраслей промышленности и т. д.

Советские учёные успешно разрешили задачу применения в сельском хозяйстве «ростовых веществ», играющих в растительном мире роль «гормонов». При опрыскивании ими цветков овощей и фруктов урожай увеличивается в несколько раз, а созревание происходит гораздо быстрее.

Мы живём в настоящее время пластмасс, они окружают нас повсюду. В этом питании сильно расширился ассортимент пластмасс при изготовлении радиоприёмников, деталей электротехнических установок, для звукоизоляции и изоляции различных тепловых приборов.

Техника изготовления лаков и красок достигла в настоящее время такой высоты, что она не только украшает изделия и предохраняет от коррозии, но защищает их от огня и даже отлучают различных вредных веществ. В эти годы у нас корабли кораблей будут покрываться красками, физиологически действующими на различные морские организмы, обычно обрабатывающие днище корабля микроскопический осадок, кишащий различными паразитами и сильно скапливающийся на поверхности корабля.

Синтетические вещества будут играть всё большую роль в новой пятилетке. Синтетическое горючее, добываемое из отходов нефтепереработки заводов и из других дешёвых отходов, значительно облегчит снабжение наших растущих автомобильного парка, самолётов, тракторов. Безоскопичное, прозрачное, светящееся в отдельных слоях на синтетической плёнке, сплюснутых стёклах, в котором совсем нет веществ, входящих в состав обыкновенного стекла, искусственное волокно, самоцветные «сапфиры», в которых нет ни грамма масла, искусственная кожа, искусственные драгоценные камни. Все эти продукты, ценные для народного хозяйства, производятся в цехах химических заводств, но только не уступают материалам с натуральными веществами по прочности и прочностным качествам.

Искусственное волокно оказалось для изготовления парашютов лучшим материалом, чем самый шёлк. Из кремнеорганических соединений делаются сплавы, не обжигаемые высокими температурами. А ни одно из массовых, составляющих человеку природу, таким свойством не обладает. Пожар электротехнического трансформатора, выходящего огромных количеств тепла, — настоящая катастрофа. Советские химики снабжают электрические станции нетеряющими трансформаторными маслами.

Вооружив новейшими методами производства, химическая промышленность СССР успешно выполняет важнейшие задачи, поставленные перед ней пятилетним планом восстановления и развития народного хозяйства.

ТОВАРИЩ ИННОКЕНТИЙ

«...Из всех знакомых мне незаурядных организаторов я знаю — после Ленина — лишь двух, которым наша партия может и должна гордиться: И. Ф. Дубровинский, который погиб в Туркманской степи, и Я. М. Свердлов, который горел на работе по строительству партии и государства».

И. В. СТАЛИН.

Иосиф Федорович Дубровинский.

М. КАРЧЕВСКАЯ

1. СТРАНИЦЫ ИЗ БИОГРАФИИ

Две небольших брошюры с воспоминаниями друзей. Несколько статей в газетах и журналах. Вот всё, что до сих пор было написано и издано об Иосифе Федоровиче Дубровинском, замечательном большевике, одном из крупнейших организаторов большевистской партии.

Почему же мы так мало знаем о товарище Иннокентий¹, чья жизнь — яркий, незабываемый образец для нашей молодежи?

И. Ф. Дубровинский жил и работал в самые трудные годы большевистской борьбы. Необходимо было соблюдать тогда строжайшую конспирацию. Партийные директивы и указания писались шифром или значимыми составами, иногда между строк легальной книги. Хранить партийные документы и письма не полагалось их участю. Поэтому драгоценная для нас картина жизни и деятельности героев большевистского подполья может быть

воссоздана лишь в результате длительных и кропотливых поисков.

Институт истории партии при МГК ВКП(б) работает над сбором материалов к биографии И. Ф. Дубровинского. Просмотрено много документов из государственных и партийных архивов. Обнаруженные в них сведения об И. Ф. Дубровинском сверяются с воспоминаниями людей, знавших лично товарища Иннокентия.

Сейчас материалы, собранные и проверенные Институтом, позволяют уточнить основные даты жизни и более полно осветить деятельность товарища Иннокентия.

И. Ф. Дубровинский родился 14 августа 1877 года в селе Покровское-Липовое, Орловской губернии. Будучи учеником пятого класса курского реального училища, Иосиф обличается с революционером, знакомится с работами Маркса, Плеханова. В седьмом классе он организует социал-демократический кружок и целиком отдается делу борьбы за освобождение трудящихся. «Я свел себя с рабочим

классом, — говорит совсем юный Иосиф, — и это уже окончательно».

Осоре семья Дубровинских презирает в Орле. Восемнадцатилетний Иосиф объединяет вокруг себя революционно настроенную молодежь города, ведет пропаганду марксизма среди рабочих. Он устанавливает связи с Московской и Петербургской организациями подпольного типографского Пресса, эта подпольная типография состояла лишь из гектографа и пишущей машинки. Позже она пополняется несколькими жидовскими заводами. Но и этой «теплицы» Дубровинскому было достаточно, чтобы выпустить нелегальную литературу для Орла и даже снабжать ею Москву. Когда же царская охранка пытается выследить подпольную типографию Дубровинского, та «кончатся»: сначала переезжает в Брянский уезд, а оттуда в Калугу. В Калуге эта типография по-прежнему издает «Коммунистический манифест».

В 1897 году в связи с большими протестами «Московского рабочего союза» Дубровинского вызывают в Москву. Перед децятидцатилетним юношей встает задача восстановить и укрепить крупную социал-демократическую организацию. Прямо с вокзала Дубровинский идет в рабочие кварталы Москвы. Он восстанавливает связи с рабочими, пишет листовки, налаживает издательское дело.

Дубровинский был востроно ведущим: он успевал побывать за день во многих рабочих районах. В сохранившемся дневнике наблюдения за ним охранка есть запись за 21 сентября 1897 года. Из нее видно, что Иосиф Федорович имел в этот день три конспиративных встречи в разных концах Москвы и побывал в ряде рабочих квартир Симоновской слободы.

За несколько месяцев работы Дубровинского «Московский рабочий союз» был восстановлен, окреп и установил более тесную связь с рабочей группой «Освобождение труда».

Работа Дубровинского в Москве была прервана его арестом и высылкой на четыре года в город Красск.

Отбыв тяжёлую ссылку, И. Ф. Дубровинский возобновляет революционную работу — на этот раз в Самарской социал-демократической организации. Это была одна из спонсоров инициаторов организации, центр социал-демократических организаций на всём востоке Европейской России.

В те годы «Искра», искровские организации закладывали фундамент величайшей партии. Как агент «Искры», Дубровинский бьётся во многих городах: Повольск, а Пензе, на Урале. Именно в этот период Иосиф Федорович формируется как организатор ленинского типа. Мария Ильинична Ульянова, работавшая тогда в Нижнем Новгороде, востроно отзывалась о Дубровинском. Сельного июля 1903 года она писала Н. К. Крупской: «У нас появились наследники издеица Леонидов. Мы все не надоемся на него, но всё больше надежды»².

Дубровинский становится известным и в редакции ленинской «Искры». Н. К. Крупская, а то время секретарь редакции, писала 26 августа 1903 года М. И. Ульяновой: «Шлёбу привет Леониду, о котором слышали много хорошего...»

В России, пожалуй, не было такой социал-демократической организации, в которой бы так побывал в последние годы Иосиф Федорович. Он объединял все города Повольск и Приуралья, был в Смоленске, Орле, Бриске, Кивее, Екатеринославе, Одессе, Ростове на Дону... Где ослабела работа, провозглашался стачка. М. И. Ульянова, «Искра» организации, — туда сейчас же направляли Дубровинского. В одном из писем Н. К. Крупской, являвшейся секретарем заграничного отдела ЦК, есть строки: «Дело хорошо бы сложилось бы поехать в Екатеринбург... в Кате, где полный провал и надо налаживать работу».

Канун первой русской революции застаёт Дубровинского в Петербурге. Он член русской части ЦК. В небольшой конспиративной квартире, с окнами, плотно завешенными одеялами, по ночам диторачно работает товарищ Иннокентий.

¹ Это было первое партийное кличка И. Ф. Дубровинского.

² Речь и последующие документы об И. Ф. Дубровинском писаны шифром алфавита.

¹ Товарищ Иннокентий — подпольная кличка И. Ф. Дубровинского.

У памятника Минину и Пожарскому на Красной площади.

Акварель худ. А. Ромодановской.

ножений. Работает без отрыва, часто совсем без сна, печатая листовки.

А утром он снова среди рабочих. Иннокентий выступит против профкорпуса, заманит на митинг, соберёт рабочих, что свобода завоевывается не петициями, а оружием. С рабочими был Дубровский и 9 января и здесь, под выстрелами, залп к орудию, на баррикаду. Там знамя революционной социал-демократии.

Месся слуги Иннокентий был арестован на совещании членов ЦК, происшедшем в Москве, в квартире известного литератора Леонида Андреева. Дубровский просидел в Таганской тюрьме до октябрьских беспорядков, закончив 1905 года. В это время он исправил свою припрямленную ошибку, именуемую место в период борьбы с меньшевиками в 1904 году, и подписал декларацию группы членов ЦК о полной поддержке позиции В. И. Ленина. В октябре 1905 года его вводят в состав Московского Комитета партии, и он страстно отдаётся работе.

Это была поистине подвижническая работа. Иннокентий в то время уже был тяжело болен тифом и другими болезнями. Но неутомимый революционный дух и воля к борьбе порождают у него удивительную жизненную энергию. В те дни трудно было найти лучшего доводчика в нескольких открытках митингов 1904 года. Рабочие любили слушать Иннокентия. Его слово было метким и неотразимым. «Писать с экраном не подвешивай», — говорил Иннокентий после одного диспута. «Я им предлагаю всю волю и отрываю отсюда, а они хотят всю землю и отрезают свободу».

В разгар революционных событий Центральный Комитет большевиков отозвал Иннокентия в Петербург и поручил руководить начавшимся востановлением матросов в Кроунштаде. Здесь Иннокентий сразу направился к массам и выступил на митинге. Тысячи людей стояли неподвижно, слушая оратора. Едва он кончил, как тысячекратное «ура» заглушило на площади Иннокентия подхватили на руки и так понесли в революционный штаб.

После поражения кроунштадского востания Иннокентий снова едет в Москву. Он выдвигает идею создания большевистского центрального комитета и редактором этой газеты МК назначает Дубровского. Первый номер газеты «Вперед» вышел 2 декабря 1905 года.

В газете ярко отразились дни самой напряжённой революционной борьбы, периодом в котором возмущённые востания московского пролетариата. Редакция «Вперёд» помещалась на Большой Никитской улице, в доме № 22, и являлась одним из штабов московской большевистской организации. Здесь происходили встречи, совещания. В дни востания в помещении редакции приносили оружие и отсюда раздавали его по районам.

В 1906—1907 годах Дубровский ведёт большую работу в массах, готовя их к новому революционному востанию. Иннокентий — секретарь Московского Комитета партии. Он организует и проводит в 1907 году Московскую партийную конференцию, которая избирает его делегатом на V (Лондонский) съезд партии.

В 1908 году В. И. Ленин организует в Женеве издание большевистского партийного органа «Пролетарий». И. Ф. Дубровский делегируется туда членом редакции. В этот период

он был особенно близок к Владимиру Ильичу. Когда Ленину потребовалось выехать в Лондон для сбора материалов к своей книге «Материализм и эмпириокритицизм», он поручил Иннокентию выступить на реферате А. Богданова с критикой его философской теории. В качестве материала на выступление Дубровского Владимир Ильич написал свой знаменитый 10-ю номер референта.

В Швейцарии Иннокентий оставался недолго. Партия посылает его в Россию одним из организаторов подготовки общерусской партийной конференции. За три месяца работы в Петербурге Иннокентий выполнил партийное поручение и собрался выехать за границу, но был арестован 29 ноября 1908 года на вокзале. Церская полиция на этот раз не третила много времени на долгие самозащитные прения, а сразу отпустила Дубровского по акту на свободу. Вологодскому губернатору предлагалось водворить Дубровского в самую отдалённую северную уезд, откуда он не мог бы бежать. Губернатор предложил, что «Петербургская организация партии обозначена устройством побега Дубровского на место ссылки. Но и на этот раз, большой, с трудом, и ввиду отсутствия звания от кандалов на ногах, Иннокентий уже через несколько дней бежит из ссылки».

Он приехал в Париж тяжело больным. Владимир Ильич тут же повёз его к врачу и устроил конференцию с доктором французского происхождения. Присутствующие, за исключением, но Иннокентий не соглашался. Он не хотел допустить, чтобы партийные деньги шли на его лечение. Другим, чтобы заместить Дубровского лететься, приходилось мотивировать это интересами партийной работы.

«Вам необходимо привести себя в работоспособное состояние», — писала Дубровскому И. К. Круская, — а теперь как раз самое подходящее время... Даю слово, если будет действительная надобность в вашем присутствии, напишу вам немедленно».

И всё же через месяц Иннокентий покидает свейторку, чтобы снова вернуться к партийной работе. Он приезжает в Россию. В Москве, в мейбуровских комнатах на Рождественском бульваре, посещает друзей Познанский — одолевая Иннокентий от кандалов на ногах. Выдал его провокатор Малювинский. Это случилось летом 1910 года. Дубровский снова оказался в тюрьме. Начальник московской охраны писал в Петербург, что Дубровский следует отправить «в отдалённое место Сибири, как весьма опасного и вредного фанатика-революционера; пребывание его в рядах представителей революционных организаций Европейской России и заграничной неуступчиво».

Зимой большого Иннокентия гонят тысячи вёрст по этапу в Турханский край. Ему назначают для поселения село Забаринку, в верховьях Енисея. Здесь, в мае 1913 года трагически оборачивается замечательная жизнь товарища Иннокентия от отъезда в Енисейск. В доброту и уважение после Великой Октябрьской социалистической революции, когда особенно нужны были люди для огромной организаторской работы, В. И. Ленин не раз вспоминал об этом замечательном большевике, не раз с сожалением вспоминал о нём.

— Эх, Иннокентия нет!

своей ссылке и потом в Самаре. В дальнейшем ему редко приходилось жить дома. Рассказы, мы никогда не знали, когда и где уезжает Иннокентий, но в Самаре он всегда был.

Фотографировать Дубровский не любил; к чему было давать лишней материал охранке? Поэтому у меня сохранились только две его фотографии. На одной из них совсем сидит спиной, реально глядя в будущее. На другой — мужественное лицо, поминание, как он пёт и твёрдо определяет его призвание. Вполне сознательно вступил он на путь профессионала-политика, чья жизнь подчинена великому делу.

Эта трудная профессия требовала постоянных самоограничений. И не признающий комиссовос Мосей Дубровский вскоре принёс первую серьёзную жертву: отказался от поступления в университет. Правда, при этом он дал слово матери неустойно заниматься самообразованием.

Свое слово он сдержал. Едва выпало свободное время — в ссылке и, а тюрьмах и на работе, — он погружался в книги. Владимир Ильич Ленин высоко оценивал марксистское познание Дубровского.

И в те времена, когда подполья много считали, что у революционера не должно быть семьи, детей. Когда в ссылке родилась наша старшая дочь, один из товарищей прислал нам прямо-таки соблазнительное письмо. Оно до глубины души охватило и партийной работой. И мы — мы оба были тогда очень молоды — заключая между собой договор: «Кто из нас будет иметь меньше значения для революции, тот возьмёт на себя основную заботу о детях».

Ближайшее будущее показало, каким неразумным партийным работником стал Дубровский — товарищ Иннокентий. По возможности он старался освободить его от материальных забот, но Иннокентий всё постоянно мучил мысль о том, что он не может в должной мере помогать нам. «Когда, дружище, ты станешь более справедливым, более добрым, более заботливым», — спрашивал он меня в одном из писем.

Но ему было очень трудно суровому, не знающему丝毫 самоограничения отношению к себе. Он сам никогда не шадил себя, берясь за самые трудные и опасные поручения, достоинству отдавая от риска товарищей. «Это — очень рискованное дело. Я проведу его сам», — сколько раз слышалось мне слышать от него эту фразу!

Помню случай в Самаре. Молодой товарищ, много искушенный в конспирации, неосторожно завёз корзину с литературой в одну из лучших гостиных города. Вынести её отсюда, не возбуждая подозрений, было чрезвычайно трудно: в таких гостиных обычно почти все слушатели работали открыто. Дубровский знал это дело на своём блестящем знании организации, разговор вслепую встречу двух друзей.

Да, он никогда не шадил себя. Ни в жаркие дни московского востания, ни в Кроунштаде, когда подвигались речью востановивших моряков. В Кроунштаде он ездил в Петербург, в Париж, ездил задержал патрули и только с большим трудом ему удалось обмануть офицера и скрыться.

В дни реакции, после событий 1905 года, когда многие организации были разгромлены, Иннокентий действовал очень энергично. Большой, измученный туберкулёзом, пережил он из города в город, ускользая из-под рук шпиков, гримас ликвидаторов, поддерживая упавших духом.

Узнав, в особенности Владимир Ильич, пытался убедить Иннокентия поддаться, отдохнуть. Но у Иннокентия не было для этого ни черенка, ни средств. Иннокентий был всегда очень щепетлив в отношении денег. Приехал в Париж, он согласился обидеть у Круская лишь в том случае, если Надежда Константиновна даст согласие на оплату. «Обязую у Надежды Константиновны», — сообщил он в письме того времени, — «девёно (15 франков) и хорошо. Подозреваю, что найдётся. Да не бойтесь её литры».

Только после его побега из ссылки Иннокентий слышит, когда он приехал за границу с глубо-

А. ДУБРОВСКИЙ

2. ЧИСТАЯ ЖИЗНЬ

О жизни Мосей Фёдоровича Дубровского не сохранилось его личных воспоминаний. Он не любил говорить о себе, считая, что это интересно только историкам-исследователям. И в детстве и в зрелости не было предаться воспоминаниям. Важные партийные поручения и связанные с ними разъезды, аресты и ссылки, побеги и вновь кишащая работа — так складывалась его жизнь.

Мы, родные, видели его урывками. У стар-

шей дочери сохранилась в памяти такая картина: она, трёхлетний ребёнок, сидит на руках отца, он показывает ей легкую книгу. Иннокентий ходит жидким, в доброту и уважение дело происходило несколько иначе, но так и переживал в детское восприятие образ отца. Его появления были яркими, его отсутствию — грустью.

Мосей Фёдорович безотлучно находился с семьёй только первые полтора года — в фран-

кими ранами от кандалов, Ильич буквально заставлял Инокентия отправиться в самотий. Но Дубровинскому не сидится там, и он уверяет в письме, что поправился и весьма значительно, хотя и вынужден признать, что «запутанность не последовало». «Дорогие Тая и Вера! — пишет он дочерям. — Вот беда — никак не могу приехать к вам. Болен и надо лечиться... Дни через три вышло изми книжки для чтения, постарайся выбрать поинтереснее. Не знаю, жаль, а какие игры любите играть... Сам присяду ещё не скоро... Пройдёт зима, лето и ещё одна зима...»

В самотий Инокентий пробыл всего месяц, но прошла «зима и лето, и ещё зима, и ещё лето, а по-настоящему помыслил с детьми ему так и не удалось. За последние годы он выделся черочкой только три раза: один раз из окна мучной квартиры, другой раз — спешком (ему удалось ночью убежать домой) и, наконец, в тюрьме, через решётки.

Сейчас, осенняя прохлада, с особой отчётливостью видишь, как умел этот сильный человек сорганизовать мужество в самых трудных обстоятельствах. Помню, как, возвращаясь с митинга, куда его вызвали, узнав о смерти матери, как опустел голову и после долгого молчания сказал:

«Что жё... Надо жить!.. Боротись!»
Заботы о большой семье — семейств по децурным соображениям он называл в своих письмах партией — всегда были у него на первом месте, но в это время оставалось место и для личных привязанностей и для любви к некустару, природе, а времени на это не хватало. Только самые близкие ему люди знали, как любил Инокентий природу Пустыни, Гейне, «в минуты душевных тревог, возьми себя в помощники Гейне», — советовал он мне.

Инокентий страстно любил природу. Он мечтал о путешествии в самые красивые места. «Почему-то на минуту застрять в ограниченном местечке, расположенном под скалами», — признаётся он, рассказывая в одном из швейцарских писем о переезде в одну из швейцарских бухт, где он хотел жить. «О чём страшно, уже писал Тале. К тебе три просьбы: раз — умою Тале, тебе и Ане. Два — бегай больше, как лошади. Три — ешь столько супа и мяса, сколько ты сможешь съесть».

Он постоянно шутил в своих письмах. Но даже сквозь эти шуточные строки было видно, в каких тяжёлых условиях приходилось ему жить. «Читай и недовою, как ласкушка привлекательна. Остроумно, когда пометил его в звериный... Вот бы погнать его в Туркунский край! Места у нас столько, сколько у нас в губерниях в 20-ти (1700.000 квадратных верст — Тале, помнишь!) — а народу, сестков, туингузов и русских вместе меньше, чем на Никитской улице (всего тысяч 12). Сидим по домам, потому что для почти не бывает и на улице пасмурно...»

«Это зимой. А летом...
«...Летом здесь главная беда — комары... Изми как некая из гудить, ни работать... Чуть-чуть летом уже не приходило. Это — не беда. Знаю-то ведь длинная-предлинная...»
В эту «единую-предлинную» зиму он занимался вышивкой, читал, помогал товарищам. На побег не хватало уже физических сил...

Срок ссылки кончился в октябре 1913 года, а в мае того же года мне сообщили, что мой муж Иосиф Дубровин Дубровинский угодил в Енисей. Грудно было поверить, что так неожиданно, тригически закончилась эта жизнь, полная борьбы. Один из товарищей Инокентия писал тогда семье: «Наше поколение потеряло одного из лучших и безупречнейших своих представителей. Кто знал его, тот не забудет его и не перестанет проклинать палачей, губивших его чистую жизнь».

Инокентий не оставил литературного наследства. Речи его не стенографировались, статьи в «Пролетарии» без подписи. Память о нём — в сердцах друзей и в деле, которому он отдал жизнь. Великое дело Ленина и Сталина победо. В этом посмертная награда Инокентия.

Семён ГУДЕНКО

ЗАКАРПАТСКИЕ СТИХИ ДОРОГА

После битв больших и малых
на великой войне,
после песен на привалах
сколько воннов бывалых,
путишко в стране,
начавая жизнь иную,
выбирают для жилья
кто Карпати лесную,
кто Украину степную,
кто развалины краи.

Я по свету на колёсах
буду ездить до седни —
от брёв престолювых
до голубоватых льдин.
И дорогой журавлиной
полезу

и посмотрю
на Фархадскую долину,
на амурскую зарю.

И потом в стихах об этом
расскажу моим друзьям.
И они уйдут с рассветом
по неведомым краям.

Каждый выберет по нраву
и займётся ремеслом:

будет рыб ловить
и травы

будет сеять за селом,
колечки найдёт в пустыне,
разобьёт на совках сад
и привьёт к чаруджий дине
араратский виноград.

А пока от слога к слогу —
от села и до села

повела меня дорога
и в Карпаты привела,
в тишину лесов еловых,
в западные края
вадунов круголовых,
неубойного зверья.

Но на солнечной поляне,
у обрывистых гор,
школу строили сельные
и ступали топоры.

И над горною рекою
выгулял до самых звёзд
аркосоною дугю
свежесквашенный мост.

И за первым поворотом
на шоссе,

и в городка,
Ленни

говорила с народом,
как тогда —

с броневика.

И стояли у плаката,
как в семидесятки

когда-то,
верхомисные ребята,
что пришли иззябка.

Я увидел новость мира,
новость Родины моей!
...Выстроены по рынку
батальоны топаей.

И бежит моя дорога
до другого городка,
как от слога и до слога
стакотворная строка!

ОСЕНЬ

Перешагнула осень порог
и —

в Закарпатье.
Каждая речина

и бугорок
в ситцевом платье.

В каждое озеро каёвы глядят,
листья роняя,

— Зарастай, —
сказал

замыкающийся солдат, —
область моя не степная!

Камень на камне,
дуб на дубу,

ветер на ветре.
Я не клвию

ни тебе,
ни судьбу.

Верьте —
ни верьте.

Ты и такая мне дорога,
многих дороже.

Будут
до самого неба стога,
реки молочные

и берега
будут кисельные тоже!

Зарастайте, рощи!

Будьте добры
кланяться в ноги.

Вон лесорубы
остряют топоры,

сеи у дороги.
Вон лесорубы

песню поют.
Слушайте,
рощи!

Я не слышал за дорогу свою
лучше

и проше.
В песне особые слова —
всё про свободу.

...С клёнов
оранжевая листва
падает в воу.

Листья
плотами

стоят у запруд,
падают на Месте.

...Осень, и зрелость,
песня и труд

издавна вместе.

Закарпатье. 1946.

П Э Т Я „Вальцовы“

1

Михаил Железнов, подручник вальцовщика листопркатного цеха, уходил на фронт, когда над Москвой появились первые немецкие самолеты.

Железнов прошёл мимо родных станков листопркатки — на его месте работал смеяник; спустился с высокого крыльца, направился к прессовому цеху. Вспоминались стихи о проводках друга на фронт, написанные года два назад:

«Друг! на город не наждайтесь,
Сводит брови переронна грусть.
Говорит он любящий столице:
«Может быть, я не скоро вернусь.»

Пришёл и его, Михаил Железнов, черёб сказато то же любимой столице.

Вышли из проходной, Михаил заглянул к товарищам по литературному кружку. Перестыная коммюнк страница заводской газеты «Мартовская», он отстал от вальцовской номер 1939 года, номер, посвящённый десятилетию «Вальцовки». Здесь были приветствия от президиума Союза советских писателей, редакций столичных газет. Вот заметки товарищей и отчёт о вчераше. А вот и литературная страница — творчество Михаила Железнова, поэта-металлурга. И снова строки:

«Говорит он любящий столице:
«Может быть, я не скоро вернусь.»

Было уже поздно, когда Михаил, закончив пригородовення и отъезду, а последний раз с высокого моста над железной дорогой взглянул на Золоторожский вал. В сумерках растаяли очертания завола...

Заведомо до Великой Отечественной войны, зная, что придёт час решительной битвы, он писал:

«И сил своих
И жизни не жаля,
Сражаться буду
За любимый стан,
Чтоб ни повсюду
Выскис, алая,
Он — солнце мне
В походах и боях.»

Поезд мчал Железновом к фронту...

В те годы мы не сразу узнавали о судьбе друзей. Письма нескоро приходили с юга к берегам северных Финляндии и из украинского села, ставшего передовой линией фронта, и Москвы; готовую и обое. Письма приходили редко. Но даже до меня, в далёкое Заполярье, дошла горькая весточка: «Миша Железнов погиб как герой, защищая столицу. И с особой силой асадували строки его «Примы» — стихотворения 1939 года:

«Таков я есть,
Таким и буду впрядь я, —
Чтоб слава вечно
Раста над тобой,
Отчизна.
Я для твоего бессмертья
Всегда готов
По жертвовать собой.»

Каждый из нас, узнав о гибели Миши Железнова, подумал о том, как много дал нам родной завод, как бесконечно обязаны мы ему тем, что в его цехах, среди его людей, из которых многие помнят ещё времена заводчика Гужовой, научились любить труд и отстаивать право на счастье.

II

Михаил Железнов принадлежал к так называемому «второму поколению» «Вальцовки». Его товарищам по литературной учёбе были ставленар Кирилл Черков, писавший Лев Позднёвский, механик Сергей Поликарпов. В те годы люди первого поколения «Вальцовки» стали уже профессиональными писателями. Начиная свою деятельность в «Батраке», из которой, собственно, и выдели-

лась в 1929 году «Вальцовка», Иосиф Шедов был уже автором известной всей стране песни «Уралюк». Морьяк, собирався по вечерам на прогулку, начинали с любимой морской песни «Ниче в море качка высокая», слова которой пользовались книги Н. А. Михайлова, ныне секретаря ЦК ВЛКСМ, а в те годы рабочего листопркатного цеха и затем редактора «Мартовника», по-прежнему следившего за литературным развитием «Вальцовки».

Первое поколение и положило начало всему тому, что ныне мы зовём традициями нашего кружка. Сюда, в прокуренние комнаты «Мартовника», приходила вечерами рабочая змена, любящие литературу, жаждущие знаний, мечтающие сооплат собственные произведения и работающие над ними в свободное часы.

Завод нёл борьбу за выполнение сталинских пятилеток. Освоение новых марок стали, борьба за высококачественный прокат, за полную загрузку мартенов, за строительство новых цехов — программа работы «Брига и молодёжь стала тематической творчеством литераторов. Вопросы, которые решались в кабинете директора, в партийном комитете, в рабочих собраниях, находили своё отражение в написаных поэтов и писателей, на занятиях «Вальцовки».

Не ставленаром, а токёром был Александр Филатов, но он знал, что слово поэта больше необходимо.

Самый первый номер, чему у товарищю станка. И он написал слово «Пению ставленаров»:

«Ням ли, ставленар, не гордиться?!
Вивите — из наших лигиты!»

Самый первый номер, чему у товарищю станка. И он написал слово «Пению ставленаров»:

«Ням ли, ставленар, не гордиться?!
Вивите — из наших лигиты!»

Александр Филатов нашёл дорогу к сердцам советской сталя. Они выхватили его песню и во заставы Ильича, по страницам заводской газеты, она дошла до «Примы», вошла в кинофильм, читровалась с труппой Всесоюзного съезда советских писателей. В зале съезда сидел и автор — человек, которому никак не великое счастье познакомиться с Максимом Горьким в заводской пионер-коммюнке, бываю у него в гостях, слушать его советы и указания. Именно Горькому принадлежала инициатива выделить от «Вальцовки» делегата из писательской съезда. И этим делегатом был Савва Филатов, всё своё творчество посвятивший металлургии.

«Сегодня мы песню поём о металле,
Наш светлый завод украшает цветы.
Его загнивал,
Его согревал,
Его подымали
Тамке, как ты» —

писал он, обращаясь к прославленному провраткчу Ивану Ильичу Гуртанову.

Другой член «Вальцовки», Кирилл Черков, был ставленаром, отличным ставленаром, выписавшим книгу о методах своей работы. После заката он приходил на занятия кружка и читал нам свои стихи. Мы слушали его и чувствовали, что надо любить настоящей любовью труд ставленара, знать все его невзгоды и радости, чтобы ярко и лаконично рассказать в четырёх строках:

«Спросивший кони, что атакатор горит,
Отражал стальные стены,
Мы не спали в ту ночь, и до самой зари,
Слово подымали, что мы мартирик.»

В те далёкие годы я работал в заводской газете. И часто, беседа со мной в свободную минуту у бужки с подеделенной водой, ставленари интересовались:

«Слово, как там кружковцы? Что нового выпалило?»

И начинался разговор о достижениях и недостатках стихов Филатова или Черкова. Работе молодых литераторов доводило доходить на творчеством, близким и понятным им.

На снимках: слева — выступление члена литературного объединения «Вальцовки» поэта Александра Филатова; справа (сверху вниз) — ставленар завода «Серп и молот» Кирилл Черков читает свои стихи; кружковцы-работчие Иван Конохов и Василий Смирнов консультируются с поэтом Иосифом Шедовым; руководитель «Вальцовки» Николай Флеров на занятиях литературного объединения.

Фото Г. Борисова

Одни за другим возвращались члены «Вальцовки» с фронтов войны. Шли она из Берлина, Будапешта, Праги. Шли фронтовики-металлурги к своим своим и чехам.

Вернулся на завод Лек Подольский. Его рассказы и очерки печатались во время войны в газетах «Грудь» и «Московский большевик». Часто выступал Подольский во фронтовой печати. С большим запасом военных стихов, возмв тем и вновь привёз Александр Филатов, встретивший День Победы, 9 мая 1945 года, в Праге. В Москве был Кирилл Чирков, возлагавший ответственную работу в ЦК профсоюза металлургов. Молодёжь, мечтавшая стать «третьим помощником» «Вальцовки», ждала возобновления занятий кружка.

Весной 1946 года я возвратился из Порт-Артура в Москву и, конечно, постеснялся известить друзей из «Серёж и мелочё». В красном уголке мартирологического цеха собрался на «оперативку» смена.

— Не слышать последнее время наших поэтов, не слышать, — говорил Семён Васильевич Чесиков, обер-мастер, награждённый теми же орденами, что и завод: орденами Ленина и Трудового Красного знамени. — А надо бы нам, ребята, взяться за дело. Гляди, снова пилетку начинаем. Да ещё кустар!

И снова в тесный круг собрались литературоведы. Верные традициям «Вальцовки», пришла представительница передовых духа поколений: Александр Филатов, Кирилл Чирков. Стали посещать кружок и Лек Подольский, Сергей Подкиринов. Старостой избрали Василия Смирнова. Люди трёх поколений старейшего в стране литературного кружка снова ввели свою работу.

На одно из занятий по приглашению кружковцев пришёл Яков Захарович Шведов. И, может, по давней привычке после беседы, Шведов, сериюлодоец и член «Валтракса» в прошлом, начал на обсуждение объединения свою новую песню.

Несколько занятий восставили фронтовому творчеству «левое объединение». Другим по долевой «Вальцовке» надо было поделиться успехами. Целк фронтовых стихотворений прочитал Василий Смирнов. Горячее одобрение вызвало одно из них — «Ибодынька»:

«Как невесту, нежно я любил
Ибодыню в родительском дому;
Оттого, когда её срубил,
Стало больно сердцу жмему.
Не сказала лично семья,
Когда съёб я ибодыню долги;
Ведь на ней повешена была
Немцами любимая моя.
Оттого тебя я, друг мой, смею,
Что смотреть мне на тебя нет сил;
Каждый листик, каждый листочек
Мне больное сердце бередило.»

Сейчас «Вальцовка» живёт полнокровной жизнью. От занятия к занятию увеличивается её актив. Труд металлургов, образы героев войны сталинской пятилетки ложатся в основу песни, поэм и стихов молодых поэтов. Литературные странички «Мартеновки» готовятся при их участии.

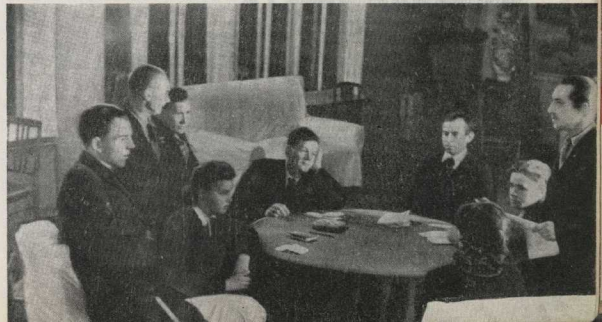
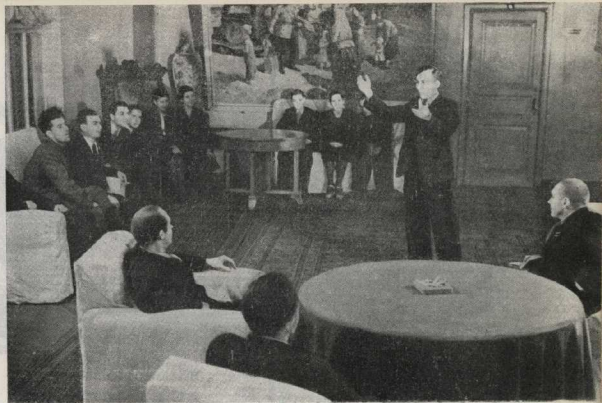
Об успехах третьего поколения говорить ещё рано. Но курьезно, что многие могут дать Зоя Страхова, написавшая интересное стихотворение «Маяковскому», Николай Ковчёлв, сумевший в своих «Частушках о металлах» найти верные поэтические ипостаси.

На одном из занятий Александр Филатов рассказал молодым членам объединения о Михаиле Железнове и предложил провести вечер его памяти. В ниспоротном цехе, в редакции газеты, по комплектам «Мартеновки» молодые кружковцы восстанавливают сейчас всё, что известно о творчестве, жизни, боевых делах Железнова. Перепоимаем на своё назначение: делом и словом помогать труду и победе.

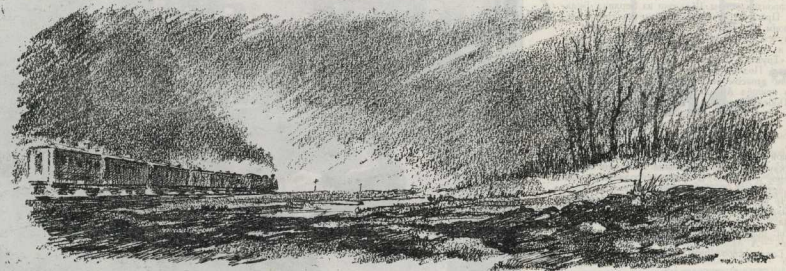
Вечер памяти Железнова завершит первое творческое собрание послевоенной «Вальцовки». Как и прежде, соборуются вечерним заводские литераторы, горячо обсуждают написанные ими стихи, рассказы, песни, говорят о живописи, о темах нашего большого социализма.

За онами шумит завод, дышат печи, раскалённые докрасна стальные слитки, проходят через вальцы, оседают стали золотыми звездами. День и ночь трудятся сталевары, вальцовщики, тмвильщики. И рядом с ними трудятся поэты, призванные воспеть героическую работу металлургов.

Николай Флеров,
руководитель литературного
объединения «Вальцовка»

Николай ПОГОДИН

ФАНТАЗИИ ТУТ НЕ ПРИ ЧЕМ...

Посад этот не очень дальний и не так близкий, как дачный. Значит, тут хватает времени для коротких дорожных знакомств и длинных рассказов, которые начинаются в сумерки и кончатся в темноте, когда большая часть спутников засыпает на плечах соседней и лишь любознательные чужих историй незаметно прислушиваются к рассказам неизвестных людей.

Сидят нас шесть человек друг против друга в глубоком молчании. Я думаю о том, какой должна быть история у этой девушки, что часто поглядывает на окно и на свои часы. У неё на щеке ослепительная форма изразцового ромба. Этот знак минувшей войны придаёт лицу её мужскую характеристику, хотя мягкие черты глаза женски нежно и освещают всё лицо подкупающей милостью.

Мне думается: «Вот нас шесть человек современников великих лет, и каждый человек, наверное, знает свою глубокую тему современности, со своей собственной историей, со своим оригинальным сюжетом для повести, пьесы, и то и роман».

Мы молчим: незнакомы. Наверно было бы интересно распространять спутников про нас судачить, но меня подмываетступить в разговор с пассажиром, который носит офицерский мундир польской армии (без знаков различия), курит крепкий самосад и время от времени что-то шепчет, шепчет сухими, чёрными губами, точно продолжает кого-то упрёкать. Может оказаться, конечно, что ничего интересного этот спутник не представляет. Житьё. Мундир купил на голубчик. Шепчет лок нос от дурной привычки. И лицо его с чёрными, сухими губами, которое кажется мне отчетливым лыханием войны, на самом деле потереило и поблужало по какой-нибудь иной причине, и великим сюжетом не отнесённый. Пусть так, но я хочу думать, что и в подобном случае в самой зурной судьбе есть дух современности, деловой зурной человека более интересной, чем его предшественника — зурного человека дореволюционных лет. А девушка со шрамом на щеке пожелательно не даёт мне покоя и навоевает на фантазии, из которых, увы, мы так часто составляем примелькавшиеся сюжеты и коллизии современных прозаических или театральных опытов. Я придумываю свою историю военных лет для этой девушки и внутренним критическим голос говорю мне: «было». Я придумываю другую историю, более изобретную, но тут же голос опять шепчет мне: «было»...

Тогда неожиданно сама жизнь приходит на помощь моим фантазиям. Девушка со шрамом, разговорчивая и волгодская со своей соседкой, сверстницей по возрасту, вдруг произносит громко и как бы запальчиво:

— Фантазии тут не при чём!

А потом, через какое-то время, она рассказывает соседке-сверстнице историю своей жизни за последние пять лет, которую я и хочу здесь воспроизвести без моих фантазий.

Звёздочками будут отмечены те паузы, что следовали в живом рассказе, как в его аномалии, и эти паузы делались рассказ на маленькие главы.

Совсем же, что предисловие оказалось длинным, но без него мне не хотелось бы начинать этот рассказ, моему авторству не принадлежащий.

— В те дни, когда мы бежали из родного города, мне было восемнадцать лет, а на вид и того меньше. Те, кто меня не знал, обращались со мной, как с девочкой, но тогда мне было не до обая. Я сама ощущала себя маленькой, неустойчивой, когда кругом нас плакала женщина. Моя мать не плакала — она всегда в горе казала чужеродием.

Куда мы хотели бежать от немцев, не знаю. Что велись с собой, теперь не помню. На одной из станций Белорусской железной дороги мы выжили, но лучше платье на хлеб и этим хлебом питались до Ярославля, где наш эшелон остановился. Там нам сказали представители какой-то организации, что, мол, беженцы-то вы беженцы и они, эти представители, нам очень сочувствуют, но и беженцам надо что-то делать для Родины. Поэтому нас отгнали рубить лес.

Это была, конечно, не рубка, а горе и неорганизованность. Опять многие женщины плакали. И я могу до сих пор забыть одного латышского колхозника, который носил прекрасный зелёный костюм, такую же шляпу и ходил босиком. Смешило всего он объяснял, почему он босиком, и показывал своим самым яркими-теплыми туфлями, которые несли, но влезали ему за ноги. В Риге влезали, а здесь перестали, и он никак не мог понять, отчего это случилось, пока один простой человек не спросил у него: не шёл ли он босиком? Оказалось, что он шёл в наваленных на дороге колодах, шёл три дня и три ночи. И тогда простой человек объяснял ему, что колхозник свои ноги «растоптал» и поэтому яркими-теплыми теперь ему не подошли.

***

— В этом лесу, в самом начале нашего бегства, мы хвятили много горо. Из этого леса мы ушли назад, на запад, взяв путь на Москву, и вскоре узнали, что все zaten с рубкой была прекращена, так как у многих людей были бо-

лее полезные специальности, по которым их и следовало использовать.

Но ни у меня, ни у мамы не было никакой специальности. Мамы моя была типичной домашней хозяйкой, так как отец не позволил ей работать, — им жили до войны очень обеспеченно, — а я училась в местном строительном техникуме. Но я ещё не знала, что значит отгнать браню и прийти строить, да и не любила я этого техникума с его скучными материалами.

У меня была другая фантазия. Ещё в университетских концертах я пела со слезы и, по общему мнению, обладала талантом. Актрисе — студенту-геологу и моему другу детства — очень нравилось, что я пою. К ленто, по-моему, он был безразличен, но однажды потом он проговорился мне, что его увлекает мечта жить «в сфере искусства». Я тогда съездила в Минск и пошла к лучшей белорусской певице Александровской «пробовать». Спела я под ролью арно Лизы из «Пиковой дамы» и по скучному голосу певцам повела, что таких талантов, как и, множество. Мягко и тактично, но без этикетизма знаменитая певица разъяснила мне, как можно развить мой природный голос. Да, я могу спелаться певшей и быть в опере, однако лишь при том условии, если есть не мне мучнее чувство безудержной, бескомпромиссной любви к оперному искусству...

Открытию своему, этого чувства я не ощущала, и когда Алёша приехал на каникулы, он узнал, что его возлюбленная выехала из сферы искусства, как пуля. Мне показало, тогда, что мой блестящий геолог — он учился прекрасно — стал смотреть на наше общее будущее с некоторой долей скепса.

...Вот я в Москве. Сенья, сорок первого года. Нашли знакомых, переключили. Знакомые гостеприимны, но ведь мы повзрослели, что им самим трудно. И поэтому еду в строгий институт и знакомлюсь с девушкой-композитором. Она прежде всего устраивает меня в столовую и студенческое общежитие. В первую же ночь меня последние дежурить на крышу со щипцами, и мне кажется, что я снова обрела своё место в жизни. Мне весело на работе. Девочки приносят гитары. Мы юрем. В лесу по ночам было гораздо хуже.

Для чужих три я была в директоре. У него на столе лежала моя анкета. В то утро ему не должно было приходить на службу и не было дела ни до анкеты, ни до меня: у него ночью при тушении пожара погиб сын.

Директор выслушал меня и два раза тихо и с нежностью повторил:

— Найдите учителя. Жизнь требует.

Я думаю, что он меня не разглядел.

***

— Я боялся: мне надо учиться одному. Мама нашла маленькую и черную рубашку в госпитале и как вольноопашенная получила немного денег. Нам в ту зиму было очень трудно. Жили в чужой комнате и часто дурачились, так при слухе холода и прогоспай нас. Мне надо было учиться одному, чтобы завоевать себе стипендию а я, как и в техникуме, не любил строгое дело. Тогда, чтобы было уютно, купил пиджачик с предметами, а стала думать о развлечениях воли, о характере. Каким же фантазиям в такое время! Надо бороться! С этими простыми и мурмыми мыслями я заснула каждую ночь. Жить не люблю.

Были и срывы! И какие!.. Страшная, мутная апатия. Врач мне потом объяснял, что это происходило от плохого питания, но я не согласна. Нет, я думала, и в отрыв-так собственным характером преодолеваю это и тут апатия. Что я делала? Я, например, выходила себе какую-нибудь физическую работу, чтобы прогнать всю муть из ума. Однажды я таким образом долго суток подряд ремонтировала нашу комнату. Соседи утром месяца три говорили об этом. И в меня после этого случая навсегда прошли припадки чёрной меланхолии. А ведь тогда мы уже знали, что папа погиб.

***

— На третьем году войны мы доучревались с Алексеем в Москве, в фойе театра. На нём свешивался потолок и орденские ленты. Он полагал в гражданскую часть, воевал на азиатском фронте и теперь не хотел уходить из своей части, а его отгнали в тыл работать на разведке русских метаний.

В театр он пришёл с девушкой, у которой были красивые, юное лицо и пожимание, многочисленные глаза. Когда она назвала Алёшу на тыл и потянула за руку в зрительный зал, я впервые в жизни увидела, что есть женщина, которая не хотела, не желала из театра, но тут же решила уйти с Алёшей всё равно наши отношения прежними не останутся. Характер переселился горе, а в жизни вышла в аттракты, и Алёша мне сказал при этом женщине (ей звали Катю), что на эту женщину надо обращать никакого внимания потому, что она всё знакомым зовёт на тыл с одинаковым безразличием.

Алёша была одета скромно, — белая. У неё были розовые туфельки, ослепительные руки, а лицо выглядело, так как работала в это время по двенадцати и восемнадцати часов в сутки. Нас учили всерьёз.

Алёша пришёл к нам домой. Дело было ранним летом и совпало с подготовкой к экзаменам. Я делала дома проект больницы на триста койек с амбулаторией. Алёша принёс вина. У нас ничего, кроме хлеба в дуку, не оказалось. Он один вынул вино. Мне надо было работать ещё всю ночь над чистыми чертежами. Алёша захмелел и стал врать, что так жить нельзя, что он увозит меня с собой в Казахстан, где выигрёт его отец, что меня будут откармливать и лечить. А эти проекты, проекты ни к чему... Мама, которая оказалась за мой адресов, подтверждала Алёшину.

Этот разговор довел меня до крапивницы. На меня нашло какое-то бешенство. Как! В жестокие дни войны я нашла в себе силу заниматься моей наукой до самоубийства. Я сделала стипендиаткой. Профессора прочит меня в аспирантуру. Как же можно ослепеть этого, не познать! Завернуть три года упрямого труда из-за того, что тебе обещали солда и парное молоко! Навсегда, и уже любила мою будущую профессию и втайне представляла, как буду жить на перенёс домик и как я, бешущая ступиду девчонок, являю в наш город знаменитым стретелем...

Короче говоря, я прогнала Алёшу, сказавши ему на прощание, что являю к своему обеспечению папаша из сала и мяско. Как с пухлыми руками. Она поедет.

***

— При первой возможности после ухода немцев мама поехала домой. Вдруг пришло письмо, что наш дом и садик с яблонями, малинником и цветами целы. Я уверено и радостно шла к саду.

Она далеко за полночь. Я сидела у открытого окна, на улице было чёрно и безлюдно, где-то грохотало железо на крыше, и я ни малейшего не чувствовала восторга. Это ученье у меня всегда связывается с образом отца. Навернувшись слёзы. Они уже не были такими острыми, как прежде. Над чудством воли поднималась новая восторг, чувство победы. С дождиком жаждой хотелось тогда рассказать отцу, как и содала свой характер и стала упрямой, поставила себе строгую жизненную цель, которая совпадала с общесоциальными планами, и вот как оказалась трудный путь моего воспитания в жизни.

Наивно, как в далёком детстве, я тихим шопотом заговорила с отцом... Не сразу услышала слова: «Открылся Тельман». Я была удивлена с какой-то женщиной. Та я или не та? Оказывается, мне пришла правительственная телеграмма. При свете свечки кое-как разобрала невнятные строки телеграфной зенты, нажёванной на меня, жёлт дома... Я рыдало, смеялась, бужу соседей. Бегу ночью через всю Москву, почти что к Сергиевому, к подруге...

Утром провалился из депешивания. В слезах несчастья и радости я показываю депешу факультета телеграмму и мне дают возможность вновь индивидуально сдать предмет...

***

— Мой счастье я считаю исключительным. Отец заставлял его забавляться. Он арлеян с немцами в подвале. Впрочем, философствовать и подходить жизненные эти ещё рано. Жизнь вперёд. Я счастлива, что преодолела всеские фантазии и являлся за настоящее дело, где я собою приобрёл огромный опыт. Лет через десять мои мечты исполнили, по моим чертам и расчётам, по моим планам и творчеству, будет построена добрая половина города.

Логично горю на имя назвать гординоким, а в немцах я вхожу. Являлся, философствовать и подходить жизненные эти ещё рано. Жизнь вперёд. Я счастлива, что преодолела всеские фантазии и являлся за настоящее дело, где я собою приобрёл огромный опыт. Лет через десять мои мечты исполнили, по моим чертам и расчётам, по моим планам и творчеству, будет построена добрая половина города.

Логично горю на имя назвать гординоким, а в немцах я вхожу. Являлся, философствовать и подходить жизненные эти ещё рано. Жизнь вперёд. Я счастлива, что преодолела всеские фантазии и являлся за настоящее дело, где я собою приобрёл огромный опыт. Лет через десять мои мечты исполнили, по моим чертам и расчётам, по моим планам и творчеству, будет построена добрая половина города.

●

Поезд наш подходил к московской вокзал. Пассажирки вступили разом забеспокойно, стали говорить, что не знают, где это она, садилась ли она со своим мамой прерван.

Она и её соседка как-то очень быстро скрылись от меня в темноте, и я уже никогда не узнаю, куда они ушли. Но я знаю, что это она садилась к тому-то являющаяся военные сюжеты и сильные событиями картинками.

Дом, ночью, записавши на память этот рассказ, как он здесь являлся, беру брошюру Николая Ивановича Калинин под заглавием «Из прос коммунистического воспитания».

Михаил Иванович говорил там о градских решимости битвах, которые захватят все сферы нашей жизни, и что это она садилась к тому-то являющаяся военные сюжеты и сильные событиями картинками.

Читала или нет мою неизвестная студентка эти слова, но я знаю, что это она садилась к тому-то являющаяся военные сюжеты и сильные событиями картинками.

За рубежом

МАРИХУАНА

Н едавно два американских учёных открыли, что колихин — яд, очень сильно влияющий на рост растений, — а в двадцать раз увеличивает содержание каннабиона в индийской конопле. Учёные опускали в аквариум с рыбками каннабион, добывая на одно и то же количество конопли. В неработавшей конопле и обработанной. Но в обработанной конопле и в аквариуме было в двадцать раз больше каннабиона, чем в конопле, которую не обрабатывали.

Это безвредное спокойное вещество как будто представляет интерес только для узкого круга людей, занимающихся ботаникой. Но в действительности дело обстоит далеко не так. Это то научное явление широко называется «каннабином», в просторечье носит гораздо более известное имя — «гашиш», или «марихуана», как это название называется в Америке.

Ещё не так давно марихуана была объявлена в США «врагом номер № 1». Специальные отряды по борьбе с индийской коноплей являлись едва ли не самым опасным, сжигали... А она вырастает ещё выше в других местах. Это одно папиросе с марихуаной стоило от 25 до 50 рублей. Поступления, являющиеся результатом действия марихуаны на людей, заставили власти США объявить ей войну. Журналисты и газеты были полны сообщениями о марихуане и её многочисленных жертвах. «Борьба с кокаином, морфином или героином — детская игра по сравнению с борьбой с марихуаной», — писали американские журналисты и врачи.

Страшнее всего марихуана действует на молодёжь, совершенно разрушая умственные и физические силы, а как раз американская молодёжь и являлся главным потребителем марихуаны. Власти США предостерегают о марихуане и её многочисленных жертвах. «Борьба с кокаином, морфином или героином — детская игра по сравнению с борьбой с марихуаной», — писали американские журналисты и врачи.

Страшнее всего марихуана действует на молодёжь, совершенно разрушая умственные и физические силы, а как раз американская молодёжь и являлся главным потребителем марихуаны. Власти США предостерегают о марихуане и её многочисленных жертвах. «Борьба с кокаином, морфином или героином — детская игра по сравнению с борьбой с марихуаной», — писали американские журналисты и врачи.

Каннабион действует на мозг человека — я его называют каннабином, что о самым умный, самый ловкий, самый сильный. Коварный ад внушает уверенность, что всего можно достичь; стоит осмелиться — и у нас будут богатство, слава. Великим, потому что условия капитализма мы потребителями марихуаны являются и артисты театра и цирка, люди умственного труда, не удовлетворённые своим положением. Широкого гимнаста марихуана толкает на безумный прыжок: сделавши прыжок, он падает.

Но каннабион искажает действительность, и траншея проходит в нескольких сантиметрах от палачей человека, именем названного на арену. Артист, для которого искусство — это искусство вдохновения, какого не может им дать капиталистическая действительность. А она приводит их в палату для буйных помешанных. Юноши и девушки, которые в детстве мечтают быть траншеями, при помощи марихуаны прыгают дальше и выше других, чтобы завладеть благами жизни. Марихуана беспощадно губит их.

Индийская конопля — сама по себе полезное растение, из её волокон делают канаты, мочало. Из-за этого она и была внесена в США более ста лет назад. Потом индийскую коноплю в Америке распространила мафия, из которой вышло знаменитое мафиозное семейство. И когда марихуана стала распространяться по Нью-Йорку, Востону, Сан-Франциско, Чикаго — США, её же сожигали бля брошен лозунг: «Уничтожить у нас индийскую коноплю навсегда».

Удалось ли это? Исцелила ли индийская конопля и вместе с ней марихуану? Нет. Ковопля была растением индийской страны, из которой вышло знаменитое мафиозное семейство. И когда марихуана стала распространяться по Нью-Йорку, Востону, Сан-Франциско, Чикаго — США, её же сожигали бля брошен лозунг: «Уничтожить у нас индийскую коноплю навсегда».

«Зимний вечер». [Москва, Екатерининский сквер].

Пастель худ. Г. Храпака.

Пережив мучительную операцию, пройдя сквозь ад физических страданий, Николай Островский делится думами со своим другом. И в письме к Розе Лятович пишет: «Не хочу впасть о прошлом, об операции и всей сумме физических лишений. Это уже прошло. Я стал сильнее, старее, и, как ни странно, ещё мужественнее. Тяжелый, жуткий этап пройден. Из него я выбрал, сохранив самое дорогое. Это — светлую голову и неразрушенное динамо-стальное большевистское сердце...».

В беседе с писательницей Аной Каравановой в период творческой работы над романом «Рожденные бури» Островский говорит:

«Каким огромным богатством я обладаю, какую могучую идею жизни и борьбы дала нам наша партия, учение Ленина — Сталина — это руководство трудящемуся человечеству на земле! А у кого до нас такие идеальные и моральные богатства были? Никогда, ни у кого! Думайте только о том, как бы стать достойным того, что тебе дано. А для этого один способ: работать, работать, чтобы все в тебе горело как горячий косяк! Работать, не покладая рук, для этого мы живем!»

И пока оставался светлым его мозг, писатель-большевик вкладал своим замечательным оружием — художественным словом.

«Китие бури и солнца», как говорил о себе Николай Алексеевич Островский, отливало в слова исключительной страсти, провозглашения и правды, они пламенно неизбежной силой убедительности, искренности величия духа.

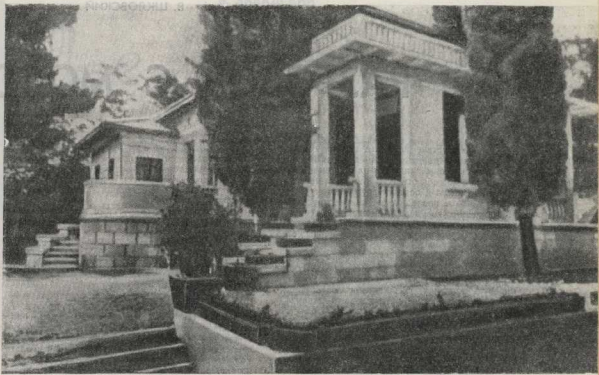
До самых последних дней не прекращалось творчество Николая Островского.

***

Марксизм-ленинизм, давая единственно верное объяснение влечению жизни, раскрывает далекую перспективу будущего, и-мировоззрение Н. Островского, нитями могуче действенное слово партии Ленина — Сталина, слогословием и непоколебимым: отсюда и страстная готовность отдать жизнь во имя торжества идеи.

Писательство-молодышка, он стремился передать ей духовное наследие первого поколения молодых большевиков: страстную требователь-

И из того же архаизма.

Дом-музей Н. А. Островского в Сочи.

ности к себе, неукротимую энергию, благородно упрямство в достижении цели.

Перечитывая высказывания Н. Островского, мы находим в них требования чуждой честности в отношении к великому делу:

«Нужно не созернять, как растут дворцы человеческого счастья, и не влезать, что может быть, как-нибудь, богом проскользнув в готовое здание, нам удалось вырвать себе светлый и чистенький уголок, только потому, что мы привладежили к семье народов, сделавших великую революцию. Вы не могли делать ре-

волюции, это сделали за вас старшие товарищи. Но у вас другие задачи, задачи больших размеров. Пусть и ваши руки будут по локоть измазаны цементом и глиной, иначе в доме, построенном не нашими руками, нам будет холодно и стыдно!»

Николай Островский — одна из наиболее ярких и сильных личностей сталинской эпохи. Примером своей прекрасной жизни он продолжил на новой, социалистической основе одну из самых благородных традиций нашей литературы — единство творчества и жизни.

Н. Островский о доле и труде писателя

«Молодой писатель не имеет права забывать, что страна даёт ему аванс за счёт его таланта, искорки которого вспыхивают в его произведениях среди бесчестных, детских нагромождений, и что этот аванс он должен вернуть. Оплатить этот счёт можно лишь одним — ростом на основе большой и упорной учёбы.»

***

«Талантливо написанная книга, насыщенная художественной правдой, обычно живёт дольше своего автора. Об этом мечтает каждый писатель. И жмура им мы, непосредственно участники и свидетели величайшей в мире пролетарской революции, оставлять в наследство наследнику с огромным художественными ценностями, всю эту сокровищную бытовую нацию будущему поколению...»

***

«Архитектор, прежде чем построить изумляющее своей красотой и стилем здание, кроме любви к своему искусству и таланта, годами изучает технику строительства, азбуку архитектуры. Душа, не ошибётся, если высказу предположение, что многие из нас, молодых писателей, не овладели азбукой литературы...»

***

«Пусть каждая фраза будет конкретна, а не «вообще». Вы первые должны атаковать все словесные фигурашки, и при совменной работе писателей и критиков мы достигнем желанных результатов, очистим язык художественных произведений от всех накипи, снижающей ценность и качество труда работников литературы.»

***

«Я убежден лишь в одном: вдохновение приходит во время труда. Писатель должен работать так же честно, как и каждый строитель нашей страны, — во всякую погоду, при жарошом и холодном настроении, ибо труд — это благороднейший источник от всех недугов. Но ничего радостнее труда.»

Из книги отзывов музея

«— Ты живи Ты нынцесь ярким символом правды и бесстрашия над обшрными полем битвы двух миров... Смы народа приходит сюда, в этот дорогой сердцу дом, с двумя благородными идеями: почтить святую память замечательного человека и зареаиться новым запалом мужества для борьбы и победы, непрерывной и несомненной победы!»

Краснофлотск Тамарин. 1941 г., Сочи.

***

«С третним волнением входил я в музей, где жила, дышала, творил великий инженер человеческих душ — Николай Островский. Обшёл, просмотрел, убедился — какое счастье быть там! В нём ленинская плавка и сталинская сталь!»

Слушатель Высшей партийной школы Уралбаш, Март 1944 г., Москва.

***

«Я зашла в музей, чтобы ещё раз почувствовать присутствие в наших объёмках лучшего солдата».

Полюковина Марголина. Июль 1944 г., Москва.

***

«Его жизнь — горение... У его огня слабый набирается сила, сильный — мужество... Неугасимая радость жизни, действия, восстает им, принадлежит нам... И я стараюсь жить по Островскому.»

Лебедев. Август 1946 г., Москва.

***

«Да, товарищи, это счастье так работать и так гореть!»

Красноармеец Пловцев. 1945 г., Сочи.

***

«Югославские партизаны в борьбе против германцев были настоящим героизмом. Их героизму много содействовал Островский своим бесмертным произведением, которое они читали с наибольшим удовольствием. Эта книга является любимой книгой югославской молодёжи.»

Профессор Белградского университета Стефанович.

Октябрь 1945 г., Москва.

РАЗВОСВОТ ПОЭТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

Великие русские писатели всегда чувствовали себя политическими деятелями, гордились своим влиянием на современность, принимали на себя ответственность за неё.

Пушкин писал и оставил в черновике: «Могу сказать, что в последние пятьдесят лет царствования покойного государя и жил на особом положении гораздо больше знамен, чем министерств, несмотря на неизмеримое неравенство средств».

Пушкин, конечно, имел влияние не только на современную литературу, а на все русское общество, и он гордился этим влиянием. Поэт являл большую политику так, как мог овать её министр иностранных дел. Это слова Миничкина о Пушкине.

Свой журнал Пушкин хотел назвать «Арион» или «Арион» — это чудное спящий певец. Что подразумевал Пушкин под этим названием? В стихотворении «Арион» он писал:

«...Побл и коршник, и лоповец —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И вижу взлетающую птицу
Сущу на солнце под скалою».

В жестокий век николаевщины он шел своим прежним путем, продолжал прежнюю политическую борьбу. Вера в будущее, основы мировоззрения Пушкина связаны с лучшими идеями его времени. Поэтому он писал про молодых поэтов: «Не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо значительнее, чем у них обыкновенно водится».

Пушкин не занимался выделыванием политических безделушек, и когда он отказывался быть одним из них, он не отказывался от волиности поэта. Пушкин делал это для того, чтобы сохранить право на гимны Ариона, чтобы не изменить лады беспробит.

Молодость прекрасна, и она может стать основным материалом для поэзии, для литературы, если она связана с великим общественным движением.

Салтыков-Щедрин, великий русский сатирик, так говорил о необходимости для писателя иметь политические идеалы: «Литература и пропаганда — одно и то же. Как ни стара эта истина, однако ж, она еще так мало вошла в сознание самой литературы, что допустить её вовсе не лишнее. Всякая светлая мысль, брошенная литературой, всякая новая мысль, добытая ею, находит слишком большое количество читателей, чтобы можно было не бороться этим пришедшим ей качеством побеждать мрак и покорять людей, наиболее уступчивых к притязаниям. Точно так же приблизительно должно сказать и о заблуждениях. Литература, пропагандирующая бессознательность и беспечальное житье на-авось, конечно, не может иметь особых шансов навсегда покорить миру своему идеологию, она может лишь временно задержать коле прогресса и нанести ему во времена такие удары, которые будут тем чувствительнее, что представляются прогрессу все-таки людьми, и в этом смысле с точки зрения ударов не всегда равнодушны».

Политические убеждения Салтыкова-Щедрина очень определенны. Это периодические мысли его времени, и только в том случае можно правильно увидеть Россию и критиковать её, не одобляясь, не теряя перспекту будущего.

Самым разнообразным писателем, обладавшим русской литературой, был Михаил Иванович Струидин. Он как писал общероссийскую да. Великие русские писатели всегда играли передовую роль в общественной жизни народа.

Создатель русского языка, Михаил Иванович Ломоносов был учёным, химиком, технологом, геогра-

фом, историком, экономистом. У его стихов чрезвычайна насыщена мыслью. У его поэзии большой пафос. Стремление поэтического творчества Ломоносова — патриотизм, интереса русской культуры, идеи общественного долга и общественного служения.

Создатель нового в русском искусстве творчества на основе науки и для выражения нового содержания.

Писатель должен иметь чувство юмора. Толстой говорил, что надо так не вредит консерватизм, как в искусстве. В 1836 году он написал:

«Искусство есть одно из проявлений животной жизни человека, и потому, как если живое животное, оно дышит, выделяет продукты дыхания, так, если человечество живо, оно проявляет деятельность искусства. И потому в каждый данный момент оно должно быть современно — искусство нашего времени. Только надо знать, где оно (не в документах музыки, поэзии, романов), но искать его надо не в прошлом, а в настоящем».

Итак, надо двигаться вперёд; двигаться, отражая настоящее и отражая его для народа, пользоваться старым искусством и искусством формальной, символической и т. д.

И в этом деле не нужно бояться трудностей, не нужно бояться ошибок. Нужно помнить, что именно так — новое, позитивное, общественно-экономическое искусство есть искусство изобретательское, трудное, революционное.

Маяковский однажды говорил, что он хотел бы написать такое стихотворение о Камчатке, чтобы на другой день нельзя было купить билет. Дальний Восток: все бы пожелали смотреть прекрасную, открытую поэтом страну.

Не нужно думать, что такое произведение, такое искусство — антипатриотическое, неэстетичное, — искусство временное, архаичное. Элементы политического спора, памфлетность и у Данте, и у Державина, и у Льва Толстого и у Анне Карениной. Великое в искусстве создается на материал сегодняшней жизни.

Детство Маяковского проходило на Кавказе в годы первой русской революции. Юность он провёл в Москве, будучи агитатором-большевиком, строя на собраниях с митингами. Школа политической борьбы во многом определила литературную форму его произведений, создав иную словарь, иную систему образов. Но прежде всего политическая работа изменила содержание его стихов, давая ему ясность понимания того, что происходит в мире.

Владимир Маяковский в статье «Как делать стихи» дал ряд формул, которые надо запомнить. Я предложил им длинное предисловие для того, чтобы показать, что в своих выходящих Маяковский был не одинок, он только более ясно, более научно осознал законы передового искусства.

В начале статьи Маяковский говорит, что нужно изучать законы мастера, что нужно работать «ежедневно, нужно делать заточки». Потом он переходит к призывам общего характера. Все эти призывы злободневны, хотя они высказаны много лет тому назад, когда читатели «Смены» были ещё робитями.

Нужно надо пускаться в ход большой поэтический завод для выделки поэтических заготовок. Надо отворачивать от такой нерациональной поэтической мелочи. Надо брать за веру только тогда, когда нечего сказать, когда нечего сказать. Надо выпрашивать ротом нещип только тогда, когда чувствуешь явную социальную злость.

Труд правильно понимать социальный заказ, подходить к нему в центре дел и событий. Знание теории, экономики, знание реального бытия, введение в научную историю для поэта — в основной предмет работы — знание, профессора-идеологов.

Для лучшего выполнения социального заказа надо быть передовым своим классом, надо вместе с классом вести борьбу на всех фронтах. Надо работать вразрез с тем, что вопиет общественное искусство. Эта старая сказка возникает сейчас и тогда, когда мы поднимаем вопросы о «широких народных фронтах» (сначала энической, потом объективной и наконец — беспартийной), о большом стиле (сначала большой, потом возвышенной и наконец — небесной) и т. д.

Только производственное отношение к искусству уничтожит случайность, бесприщипность искусства, индивидуализм произведений, как и все прочие факторы. Слово «богемна» стало нарицательным для всякой художественно-общественной бытовщины. К сожалению, борьба эта часто велась не словом и только со словом. Рядом с новым творчеством старого литературного индивидуального карьеризма, мелких эгоистических интересов, взаимное подталкивание, подталкивание, взаимозащиты, поинтересу «раксхизмизм», «подлинничанье», «заблуданье» и т. д. Даже одежда поэта, даже его домашний разговор с женой должен быть иным, определяемым самим его поэтическим производством.

Когда читаешь такие вещи Маяковского, кажется, что он сейчас живый ходит среди нас: высочин, снохокий, невильный и бездоказательный. Неиспользованным, а нами.

Что же мы можем сейчас посоветовать молодёжи? Мы советуем много думать, много читать, но не искусству только, и не прежде всего искусству, а быть интересующимся на уровне своего века, быть общественником, читать жизнь, строить её и переделывать. Тогда появляется истинное литературное мастерство.

Некрасов писал:

«И если ты богат дарями,

В твоём труде заблудай сам!

Их ипотеришь ты дары».

Валданин в окошки тайфид камень

Убодый трудок шлобрит,

А из-под милога летит

И брызгает сам собою пламенем».

Надо много знать. Только тогда можно правильно читать. Но её нельзя фотографировать, нельзя ограничиваться голым искусством изображения, увлекается зингетом. Нельзя смотреть на жизнь глазами художника, не изучая условий, в которых создавались его произведения. Каждого старого писателя надо изучать с его тенденциями, в том, что его облизает с вами, в том, что может быть, делало его истинным мастером.

Блока надо понимать, читая его мысли о счастье, читая те строки, которые связаны с жизнью, последние годами его жизни. Он учил, учил, учил, учил, создавая своё произведение «счастие вперёд». Поэт говорил о русских художниках: «Они знали, что только о пре-

красном стоит думать, хотя прекрасное — трудное.

В статье «Интеллигенция в революции» Блок писал: «Белки художники русские — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой — пошутили во мрак, но они же имели силы пребывать и таиться в этом мраке: ибо они верили в свет. Они знали свет. Каждый из них, как весь народ, выносивший их под серпом и косой, желал губами во мраке, отчаянии, чист злобе. Но они знали, что рано или поздно, всё будет поновому, потому что жизнь прекрасна».

Жизнь прекрасна. Зачем жить тому народу или тому человеку, который втайне разуривает во всем? Почему революция в жизни, живёт у нас? Она подвигает, «из милости? Кто-то думает, что жить «не особенно плохо, но и не очень хорошо», ибо «всё идёт своим путём: путём... эволюционным; люди же так, вообще, выхоли и несовершенны, что дай им только бог прократить свой век кошель, скажись в обществе и государства, ограждался друг от друга стенками прав и обязанностей, условий законов, условий отношений... Жизнь стоит только так, чтобы предвещать бесмерные требования к жизни: всё, или ничего; ждёт несудного; верять же в то, что нет на свете, а в то, что должно быть на свете; пусть сейчас уже нет, и дождь не будет. Но жизнь отстает от него, ибо она — прекрасна».

В поэзии надо жить, предвещая бесмерные требования к жизни. Такие требования предвещают социальную революцию.

Товарищ Жанов в докладе о журнале «Звезда» и «Ленинград» прямо указал, что мы уже не те, какими были раньше.

Но наша история, работа великих людей её воплотилась в нас. Белкинский цикл «Фрунзская литература в 1841 году» писал: «Фрунза принадлежит к вечно живущим и лыжущим явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой встала их светлая история, но постоянно развиваясь в сознании общества. Каждая эпоха пронизывает о них своё суждение и как бы им верно повяла она их, но всегда оставит след своей за ними, и она никогда не выскоблет всего...».

У Гоголя сказано: «Фрунза есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, что создало и созидает своё развитие, в каком он, быть может, явится через двести лет».

Гоголь ошибся на сто лет.

Сознание сейчас, сегодня, должно быть достойным мечты величайших людей нашего прошлого. Борьба этого народа изменила страну, и народ требует от своих пастылей художественного воплощения этого великого успеха. Он требует произведений, которые отразили бы происходящие сегодня события. Народ должен получить от литературы произведение, своей устойчивостью и действенной силой равные его делам.

Нужно жить, служить своему народу, не поддаваясь усталости, сохраняя новое представление о цели, в котором мы ведем человечество. Без большой правды никакой фотографии, аскетский мелкий, как будто правильно указанный, факт — всё будет мертво, нежизно и непонятно.

Я слышал разговор Блока с Манюшкой. Это были титлы, сплюсненные слова. Блок говорил Блоку: «Мы были таковыми люди, но мы не генины». «Мы отменяете (по памяти, может быть, он сказал «замечает») нас. Я понимаю это, но я не радуюсь».

Я слышал этот разговор и начепал ещё при жизни людей, которые его слышали.

Манюшкин заменил не только Блока, сколько людей, которые были рядом с ним. Он всё Блоку «Давидову» создала рядом с Манюшкой, созданы человеком, который читал Манюшкино. Революция научила Блока многому, в том числе она сделала его нововодителем эпохи в стиле.

Если хочешь быть поэтом, будь объективнее, пойми жизнь и работай в ней. Откажись от ложной поэтичности, соберись, как собираешься произведениями.

Поэзия — это мир отборного слова, тщательной вырешенной мысли. Поэзия — это порядок, этой высокая дисциплина вдохновения. Поэзия — это дорога в будущее. Это великая стратегия человеческого духа, которая проморгает и малыми болями для того, чтобы достичь конечной цели — с истью человечества.

Б. ЗАВАДСКИЙ

Мне ланкаское переживание

В ГОСТИ У ЗАОКАНСКОЙ ТЕТУШКИ

С детства мною овладела страсть к чтению книг. В тринадцать лет я зачитывался романами Майи Рид, Жюль Верна, Луи Буссенара, Стювенсона и мечтал о путешествии и приключении. Особенно заманчивым мне казалось путешествие в Америку. Эти мечты подогревались письмами от моей тети, которая после революции 1905 года вынуждена была бежать из России от преследования царской полиции в Америку. Узнав о смерти моего отца и жасая по мочь своей сестре, она рухнула у которой осталась трое малых ребят, тети собирались взять меня к себе, «борсу вало дать образование», — писала она.

И вот в 1927 году, когда я окончил семилетку, неожиданно на Канаду пришла проездные документы и билет. Простились с матерью, сестричкой и маленьким братом, и отправился в далекое путешествие за океан.

В начале 1928 года я приехал в канадский город Порктон, где жила тети. Мои родственники снимили комнату в мансарде. Остановка состояла из одной кровати и раскладной кушетки. В комнате было холодно, и все время в течение дня находилась в кухне при мастеровой — домашней хозяйке, в которую вошла американская дворяшка ремигрантовка графини и часы, была его нежеланием, но вот кусочек земли, на котором он воздвиг это строение, лежал никак не мог купить в продолжение пятидесяти лет и с трудом платил за него высокую арендную плату. Заказов было так мало, что не всякий день даде улавляло выработать своей прожиточный минимум — один доллар. Две двоюродные сестры преподавали в канадских сельских школах. Они-то и содержали семью на свои скудные заработки.

Тети собирались выслать мне билет давно, но два года назад сгорел дом, в котором они жили и это послужило причиной задержки. С тех пор они никак не могли оправиться от пожара. А произошло это так: хозяин решил получить страховую премию за старая деревенский дом и устроил поджог. В Порктоне была добровольная пожарная команда, которая собралась лишь по тревоге. Пожар произошел в ночь по рождению. Все добровольцы изрядно вышли и прибыли на место происшествия, когда дом уже сгорел. Хозяин платил, конечно, свою страховую премию, а мои родственники и еще десятки семейств остались нищими, потеряв в огне всё, что было важно за многие годы труда и лишений...

Обо всем этом я узнал в день моего приезда за столом в тёплой гутушкинх кухне.

ПЕРВЫЕ УРОКИ И ПЕРВЫЕ ПОИСКИ РАБОТЫ

Я слушал эти рассказы и с сожалением вспоминал родной Харьков, нашу уютную квартиру и понял тогда, что тётка не только не сумеет помочь мне учиться, но не сможет даже купить обратный проездной билет...

Делать было, однако, нечего, и я решил приобрести хоть какую-нибудь специальность, чтобы заработать деньги для возвращения на родину. Прежде всего требовалось знание английского языка. Я поступил в бесплатную детскую народную школу.

Многие казались мне злыми. В канадской школе, например, применялись жестокие наказания. У учителя в кафедре хранился широкий короткий ремень на деревянной

ручке — «стран», которым он бьет учеников по выгнутой ладони в присутствии всего класса. Если ученик не выдерживает и опускает руку, то счёт ударов начинается сначала.

Уже в мае мне пришлось бросить школу и искать заработка, так как я попутствовал, что обидело своих родственников. Я поступил чернорабочим в строительство заводов. Но прошло немного времени, и рабочие забастовали, потому что хозяин платил им меньше других подричников в городе, пользуясь тем, что у него работали «зелёные» — иммигранты, не знавшие местных условий жизни и языка.

Следующую работу мне удалось найти на прокладке канализации. Я копал канавы. Но вскоре строительство закончилось и я снова остался без работы. Меня ткнули к автолеву. Я обидел местных горожан, и в один из них меня приняли в качестве ученика. Проработав две недели, я узнал, что хозяин платил не собираются считать, что первый год и должен служить бесплатно. Мне пришлось уйти оттуда.

Порктон — маленький торговый город в степной сельскохозяйственной провинции Саскачевана. При мне, летом 1928 года, число его жителей достигло пяти тысяч, что давало ему право называться «сити». Событие это было отмечено праздником с гуляньем на главной улице города, превращённой в «маршрут», и торжественным шествием, в котором приняла участие добровольная пожарная команда, ползавшая конной полицией, духовой оркестр, самодельный штатгальтерский оркестр и приблизительное количество ветеранов войны. Приглашали также живущих по соседству индейцев. Они явились в своих старинных костюмах и головных уборах из норы. Вид их был чрезвычайно жалок на этом «шумном приу» белых людей, которые вытеснили индейцев с родной земли. Я в грустном вспоминаю всё, что читал когда-то об этом восточном городом раньше. Теперь видный индустриальный и собрал отбросы в мусорных вешках на задворках у белых.

Я копал канавы...

Через некоторое время я поступил батраком на ферму. Моя работа заключалась в том, что я ходил за конюль споровоюлкой, я должен был успевать собирать сено и солому. Ферма была в конюль на протяжении долгого, четырёхдцатичасового рабочего дня. Затем началась молотба. Молодую вывели в поле. С обеих сторон её обслуживали по два человека. Другой платформе с высокими бортиками. Каждый стимстер (возник) должен был выехать в поле, набрать в раздуже мои снопы «враз» снопы и вернуться к молотбе. Когда закончил, другой стимстер сбросил свои снопы на транспортёр.

Я работал «метрометром» и еле поспевал за оштыми веревками батраками, которые ухитрились во время этой работы. Когда батраки ещё не нашлись воле, а иногда, сверху саморкучку, даже несколько раз затрясти.

Однажды у меня на пальце свелась прыщ. Я случайно соделал себе царапину. К врачу пошел ступа нарывать. Я смывал рану иодом. На следующее утро распухла и покраснела вся жизнь, пальца не сгибала и горел. Пришлось обратиться к врачу. Он сказал, что всё это чепуха. Но чё не мёе работать? Я решил отправиться к врачу. Саети меня в город хохот отказались, хотя до города было двадцать миль. Я поехал в город. Когда я дошел до горюла, рука ещё больше распухла.

— Застря было бы уже поздно, — сказал мне врач, — пришлось бы отнимать руку выше локтя. У нас зарплата в кроны.

Бесплатной больницы в Йорконе не было. Каждый визит к врачу стоил два доллара. Пока я вылезл руку, доктор выткнул у меня почти всё, что я заработал на мотлобе.

Я В РОЛИ УЧИТЕЛЯ

Потраившись, я стал снова искать заработок. Мне сказали, что в поселке Камска, недалеко от Йорктона, живёт много вышедших из России «дубофоры». Один из них как-то был в Йорконе и мнил себя в дядиной мастерской. Он чего-то узнал, что некоторые студенты работают в горюле и выжили на обшине. Он говорил, что дети этих «дубофоров» учатся в канадских школах и не умеют читать и писать по-русски. Если бы нашлись учителя, то «дубофоры» с радостью поехали бы своих детей учиться русской грамоте.

Я решил поехать в Камска и попытаться заработать на жизнь уроками. Так я и сделал. У одного дубофора я стал преподавать русскую грамоту и по вечерам начал давать уроки русскому ученику. У меня было около тридцати учеников. За каждого родителя платили два доллара в месяц. Это давало мне возможность оплачивать помещице и патине. Так продолжалось около двух месяцев. Потом об этих уроках узнал глава семьи, и в результате у меня осталось только четное учеников, что и закончило в Йорконе и поступил учеником к маэтру.

Но через два месяца работы не стало и меня выгнали. Я снова нашёл батраком на ферму. На этот раз я попал на ферму большого фермера, хозяином которой был некий мистер Черн. У мистера Черн было 1500 акров земли, 50 коров, 60 лошадей, стало около, трактор и автомобиль. На этой ферме было много разных животных: в качестве козбы верком пастби сток и пахати землю четырёхметельными во м-кринным плугом, кончателе лес и «бичом» «бичом».

Как-то раз спавалась одна из коров. Черн стал вслух удивляться мот, по существу, элементарной вежливости, светлым волеом и глазом, котор-ч не соответствовали её представлению о русских. Он считал, что все русские обязательно должны быть большими черной борола, глаза на выкате и мигалка в збвх.

— Бorne такой вежливый, что похож даже на канадца, а скорее на англичанина, — сказала она.

— Это звучало в её устах высшей похвалой. Затем со слезкой улыбки она обратилась ко мне: — Вы хотели бы быть англичанином?

— Если бы не был русским, возможно, — ответил я.

Б-ло бесцеленно объяснять этой женщине, что я горжусь тем, что я русский.

ОДИН В САМОМ ВОШТОМ ГОРОДЕ КАНАДЫ

После уборки урожая и реиня растастся с родственниками и перебраться в Моураль — са-

мый большой город Канады. Проезд по железной дороге в Америке очень дорог, приблизительно в шесть раз дороже, чем у нас, поэтому я с большим трудом улатил 25 долларов, что устроился провозником на поезд со стоком.

Я приехал в Моураль в ноябре 1929 года. Мой первый сонвал с кроком на бирже в Нью-Йорке и наводил капиталистического кризиса. Одиноким я и никому не нужным бродил я по большому, чужому городу в награнных поисках места. Ежедневно закрывалась всё новые и новые фабрики и десятки тысяч людей оставались без работы. Двадцать пять долларов, которые мне удалось скопить и привезти с собой, мгновенно растаяли. Однажды в столовой, работая последние 30 центов, я случайно разговорился с каким-то человеком. Он оказался маляром и предложил мне работать в его ар-

Я, опять устроился мошником машин...

Тема, которой состояла из безработи-ч, Окселевание белой бумагой пилголок студию по раскраске тикаей было для них таким же случайным занятием, как и для меня. Но в это быстро кончилось. Тогда я устроился в ту же студию черабоками. Через месяц заказов не стало и хохин всех нас уволили.

Я вновь оказался безработным. Снова шеллелыми двумя безработными бродил я в поисках места. Ирепка подвратилась случайные подвине работы. Я мнил посулуу в ресторанах, поинел я и некарке забоеющего мастерами в т. д. Когда исторком отказался найти постоянную работу, меня снова вырвало случайное знакомство. На этот раз мой ангелом-спасителем оказался механик одного гаража. Он устроил меня к себе мошником автомобиль и за 80 долларов начал управлять машиной. Работа была ночная. Я оставался в гараже один, а к утру 40 минин должны были сияреть чистотой. Сорок часов в сутке я работал, ничего не интересовало. Порой в грязную погоду я вынужден был приходить в три часа дня и жаловался к аскам следующего утра. Но каждый день приходило счастье. Работя здесь, я получил шферскую лицензию — разрешение на право управления автомобилем.

Однако нашлись претендент на мою должность, который за сотню долларов подкупил звенового гаражом, и тот, придравшись к чему-то, уволил меня. Так узнал я, в чём заключается право на труд в капиталистическом обществе.

Оставшись в который уже раз безработным, я особенно остро ощутил горечь своего стеноствования. Об учения я и думать забыл. Все мои учения были направлены на то, чтобы не умереть с голоду и любым способом добиться возвращения на родину.

Летом 1930 года я снова устроился в гараж:

Здесь я по четырнадцатому часу в сутке работал, но разгабил шини, и забыл, что такое выходной день. Так продолжалось до зимы. В декабре я заболел воспалением лёгких. Пока я лежал в больнице, начался новый рабочий день.

Прошло недолгое времени, прежде чем я опять устроился мошником машин. Мне платили вдвое меньше обычного ставки. Гараж принадлежал двум братьям. Оба считали себя социалистами. Однажды они увидели у меня брошюру Маркса и, как мне показалось, прочитали ко мне уважение. Как-то, вскоре после этого случая, я пришёл в гараж утром в воскресенье. Там находился в то время один из клиентов — приятель моих хозяев. Ему срочно нужно было помыть машину. Хозяин сказал, что до ночи это сделать невозможно. Он предложил социалистам: — А где же ваш раб? Кто же он, назовит тут-то?

Оба «социалиста» — вырастили и растерпено работали в воскресенье утром.

— Как им странно, но рабы не могут работать двадцать четыре часа в сутке, — заметил я.

Весной 1931 года мой хозяева обанкротились. К счастью, мне удалось стать шофёром таксеи. Заработной платы я не получал. Шофёрам полагались проценты с недельной выручки, что составляло приблизительно сумму. Напарник у меня не велел, когда с меня вышло тридцать на форменную фуражку и на разбитое пассажирском дверное стекло, я ещё остался должен компании постолю долларам. Я хотел отказаться доказать свою виновность в истории с разбитым стеклом, но заводующий выгнал меня с работы, и мне пришлось перейти в другую фирму.

Тогда среди шофёров такса можно было встретить безработных самых различных специальностей — инженера от электромонтёра и конструктора, профессор математики. Тут я столкнулся с оборотной стороной «прославленной» западной культуры. Даже получивший образование человек, если он белен, зачастую вынужден вести жизнь пролетариата. Несмотря на существование, не имея возможности, в условиях капитализма, полноценно применить свои знания и способности.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Снова я стал безработным в июле 1932 года. Бесперспективно, какой жизни угнетала до крайности. Тоска во родие и друзьях, некогда не прощавшая меня, усилилась с каждым днём. Голы были, я оставался недручлив. Подлти образование, в этом мире нажить мне так и не пришлось. Я делал всё возможное, чтобы вернуться в Советский Союз. Я обратился к профессору математики. Никаких из-казывал. А советского консулата, которое могло бы мне помочь вернуться на родину, в Канаде тогда не было.

Как-то раз профессор заметил, что будто бы из Ванкувера идут паромом с грузом во Владивосток. Я решил проехать в Ванкувер, чтобы на озаром из этих паромов добраться домой. Белье, которое я привёз с собой, во мне возду от казывала. А советского консулата, которое могло бы мне помочь вернуться на родину, в Канаде тогда не было.

Как-то раз профессор заметил, что будто бы из Ванкувера идут паромом с грузом во Владивосток. Я решил проехать в Ванкувер, чтобы на озаром из этих паромов добраться домой. Белье, которое я привёз с собой, во мне возду от казывала. А советского консулата, которое могло бы мне помочь вернуться на родину, в Канаде тогда не было.

Снова «защелкнул» и вернулся в Моураль. И опять все мои попытки устроиться на работу, идущая в Европу, оказались безуспешными. Но вот я случайно узнал, что в Моуральском университете находится в командировке советский профессор из Ванкувера. Никаких из-казывал. А советского консулата, которое могло бы мне помочь вернуться на родину, в Канаде тогда не было.

И вот наконец родной Харьков! Я учусь на кафедре. Мне платят стипендию, и меня уже не страшно профессора математики.

В ноябре 1940 года я защитил дипломный проект в Московском автодорожном институте. Я стал инженером-механиком — специальность, к которой я стремился всю свою жизнь, и часть экспедиции те горные дни, когда я тешно шталлся получить образование в Канаде.

Кадр из нового стереофильма «Робинзон Крузо».

С. П. ИВАНОВ,
лауреат Сталинской премии

СТЕРЕОСКОПИЧЕСКОЕ К И Н О

Виталиетем плане восстановления и развития кинематографии предлагается все новые кинотеатры городов и деревень СССР превратить в звуковые. По плану, это должно быть достигнуто в 1950 году. Осуществление кино — огромный шаг вперед: оно повышает яркость этого искусства, так любимого молодежью.

Но и в звуковом кино изображение на экране поврежжало, как досюда еще назад, получают искажения, оставаясь скрытыми от зрителя пространственные образы — существенную черту реальной действительности. Объемное кино, то есть создание у зрителя впечатления трехмерности изображения, является очередной задачей кинотеатра. Эта задача технически сложная и трудное осуществление фильма, но и она уже успешно решается в нашей стране.

Человек смотрит на окружающий его мир двумя глазами. Он как бы рассматривает его под двумя углами, с двух точек зрения, находясь одна от другой на расстоянии 60—70 миллиметров. И то, что он видит двумя глазами, не вполне похоже на то, что видит правым.

Ввиду этого, перед ним два различных изображения, которые, объединяясь в акт его сознания, образуют единое пространственное, объемное, или, иначе, стереоскопическое, представление об окружающем мире (возникает стереоскопический эффект). При обычной съемке фото- и киноаппараты фиксируют предметы только с одной точки зрения. Поэтому мы и видим их изображения плоскими. Снять с двух точек зрения и каждому глазу отдельным образом — получить изображения является нашей основной задачей.

Над созданием объемного кино ученые давно работали не только у нас, в Советском Союзе, но и за границей. Тысячи патентов о стереоскопическом эффекте, начавшие свой счет задолго до рождения кино,—наглядное доказа-

тельство важности этой темы. Исследования американских Фрэдерики и Герберта Алсона, бельгийца Э. Ноайона, французю Лиз Люмера, Асталяна и других имели целью разрешить проблему стереоскопического кино в частности. Многие из них предлагали немало различных способов получения стереоскопических киноизображений на экране. Но почти все эти способы требовали либо сложных устройств, которые делали кинофильм для массового зрителя, либо вызвали необходимость деления на глаза каких-нибудь очков.

Незадолго до Отчуждения войны в столичном кинотеатре «Москва» был установлен конструктивно разработанный моим близким знакомым Б. Т. Ивановым уникальный растровый проекционный стереоскопический экран. И отличие от обычных киноаппаратов он состоял из 30 тысяч тонких пятиметровых дисков, расположенных с точностью до одной сотой миллиметра на гребенки, которые были укреплены сверху и снизу вертикальной рамы, вес которой составлял около шестидесяти тонн. Позади этой своеобразной сетки (растра) располагался обычный экран. Эти проволочки создавали возможность проецировать и воспринимать два изображения для правого и левого глаз раздельно. Форма кадра была выдвинута вверх и сужена с боков (он был вертикальным, что сильно затрудняло работу режиссера и оператора, привыкших снимать на обычный, широкий кадр).

Для наблюдения стереоскопического эффекта на экране зрителю приходилось находить позицию наилучшего видения. Специально для наблюдения стереоскопического и большинство из 500 тысяч зрителей, успевших посмотреть до начала войны первый экспериментальный фильм «Конверт», поставленный режиссером Александром Андреевичем и оператором Дмитрием Суренским, впоследствии отбыли к нам изобретены.

Вот выдержки из отчета одного режиссера: «Стереоскопическое кино — путь к новому, синтетическому искусству, обогащающему палитру художника новыми богатейшими средствами творческого воображения. Это дает, обязательность несут кино плоскостному кино-белому искусству кино ладки — ИЗОБРЕТЕНИЕ Семёна Иванова — художника и инженера — открывает перед нами истинные блестящие перспективы».

Замота в нашей лаборатории в 1942—1943 годах была в том, что, даже несмотря на то, что экран все же обеспечивал бесконечный стереоскопический эффект одновременно для трехсот зрителей.

Некоторые зрители первого экспериментального стереофильма заметили «шорох» нашего изобретения: необходимость «искать точку наилучшего видения и необходимость добиваться горизонтального положения глаз в течение всего сеанса. Но этот «шорох» неизбежен, так как глаза наши расширяются по горизонтали. Отсюда естественной и неизбежной особенностью искусственного стереоэффекта состоит в том, что он может возникнуть лишь при горизонтальном разведении глаз. Вообще для искусственного стереоэффекта необходимо разное восприятие мозгом соответствующих точек зрения правого и левого глаза, истому положению этих точек зрения неизбежно. Но оно было затруднено из-за несовершенной системы провольчатого стереокадра и, как ни странно, неправильным расположением экрана в зале театра.

Сейчас в стереолаборатории студии «Стереокино» нам удалось создать большой светосильный растровый стереоэкран, который называется «находящееся в тоннах» что стереофильм смотрится почти как обычный, плоскостной. На этом светосильном стеклянном стереоэкране размером 3 × 3 метра мы будем демонстрировать стереофильмы в кинотеатре «Выстоким» одновременно для тысяч зрителей.

Студия «Стереокино» уже располагает промышленным методом изготовления стереокадра с оптимизированным растром, который значительно совершеннее старого. Яркость изображения на светосильном (упрощенном) свет экране не менее чем в десять раз выше, чем на плоском. При прочих равных условиях яркость светосильного стереокадра меньше чем в три раза выше, чем у обычного, «плоского» кинокадра, что дает возможность демонстрировать на нем цветные киноленты без существенного усиления источника света. Растр светосильного экрана представляет собой зеркальное стекло, на поверхности которого смонтировано несколько тысяч тончайших оптических линз. Расстояние между линзами в зрительном зале стереоскопического кинотеатра будет равно нулю (окулисты и строго согласованная система стереокадра. Таким образом, достаточное будет нормально смотреть в кресло, чтобы стереоэффект возник сам собой.

В дальнейшем развитие стереокино — «Игра молодых людей» (фантастический парад 1945 год), зритель

под моим руководством режиссером Матвеем Володарским и операторами Николаем Филипповым, Валерием Косовым и Самуилом Рубинским, в силу трудности документальных съемок не удалось полностью продемонстрировать всех возможностей стереокино. Зато в игровом звуковом фильме «Робинзон Крузо», снятом режиссером Александром Андреевичем и оператором Дмитрием Суренским, это удалось сделать значительно полнее.

В поисках более высокого качества в более совершенной формы кинокадра, который бы удовлетворял запросам киносекторов и операторов, привыкших снимать кинофильмы не только в ширину, но и в высоту, инженер Борис Иванов и оператор Дмитрий Суренский — внедряли предложение моей новой системы перфорации лентой. Междуларочный стандарт ленты имел восемь отверстий, расположенных с правого и левого краев каждого кинокадра. Мы делаем только два отверстия, расположенных в центре между кадрами. Это дает возможность иметь каждый из двух кадров стереокадра размером 13,5 × 16,5 мм, то есть пропорции «кадров» популярно в архитектуре. Таким образом, было получено увеличение площади площади кадра, без изменения для снимков, в двадцать раз, не меняя их прежних размеров (длины и ширины). Все это облегчает работу режиссера и оператора и позволяет в случае необходимости иметь любую форму кадра за счет самой минимальной потери полезной площади. В этом смысле квадратный кадр является универсальным и открывает новые творческие возможности.

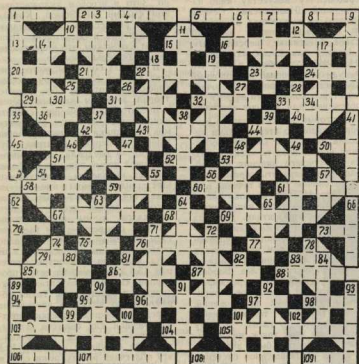
Стереоскопический кинотеатр является одним из новейших и интереснейших этапов в развитии киноискусства. В недалеком будущем в столицах союзных республик и в больших городах страны будут открыты кинотеатры по образу московского.

«Великий немой», как раньше называли кинотеатры, образ не только дар речи и губ, но и трехмерное измерение — глубина. Метла об отдаленном прекрасном кинематографе будущего превращается в нашей стране в реальную действительность.

Изобретатель стереоскопического кино лауреат Сталинской премии
С. П. Иванов.

КРОССВОРД

Составили Е. Шашин и Л. Филиппов

По вертикали:

1. Крестиль. 3. Театральной ампула. 4. Результат. 6. Вокальное произведение. 7. Мореплаватель, открывший Америку. 9. Река. 10. Судебный термин. 11. Германский философ. 12. Химический элемент. 14. Русский революционер. 17. Государство в Африке. 18. Легендарный конь. 19. Община. 25. Река в СССР. 26. Стенной подсвечник. 27. Коралловая смола. 28. Эпоха. 30. Город на Алтае. 34. Дикая бык. 35. Должностной чин. 37. Ожерелье. 38. Шля-

ковая матерья. 39. Приемная комната для гостей. 41. Овощ. 46. Известный русский архитектор. 47. Озеро в Венгрии. 48. Паук. 49. Древний философ и математик. 54. Палац. 55. Река в Сибири. 56. Торная вулканическая порода. 57. Животное. 62. Насекомое. 63. Духовное лицо у буддистов. 64. Драгоценный камень. 65. Друг у кавказских народов. 66. Букава греческого алфавита. 71. Знаменитый русский хирург. 72. Рукав реки. 74. Змея. 78. Морское животное. 79. Птица. 80. Сухой туман. 81. Жилище северных народов.

82. Котлован. 83. Число. 84. Популярный вид спорта. 89. Обруч. 90. Армия. 91. Представитель рода волейск. 92. Город в Московской области. 93. Металлический сплав. 99. Часть тела. 100. Река в Казахстане. 101. Женское имя. 102. Болотное растение.

По горизонтали:

1. Птица. 2. Существенный признак. 5. Морское животное. 8. Старинный женский головной убор. 13. Специалист, определяющий качество пищевых продуктов. 15. Шум. 16. Собрание книг. 20. Литовский поэт. 21. Вершина. 22. Русский полководец. 23. Стихотворный размер. 24. Известная повесть о героях. 25. Сплетенные цветы. 31. Бельгийская порода лошадей. 32. Французский физик. 33. Пивоварский лагер. 36. Кукольная принадлежность. 40. Спортивный термин. 42. Повар. 43. Итальянский скрипач и композитор XVIII века. 44. Консул в Сарнии при императоре Августе. 45. Река в Африке. 50. Старое название острова Чикалова. 61. Французский писатель. 62. Советский шахматист. 63. Грив. 68. Город в Германии. 59. Украинский поэт. 60. Шумный успех. 61. Мир животных. 67. Насекомое. 68. Уменьшительное женское имя. 69. Русский государь конца XVI века. 70. Газа. 73. Река в СССР. 75. Цыганское имя. 76. Звонительный Перу. 77. Коммунальный район. 78. Бессформенная масса. 83. Болотный. 85. Французский физик. 86. Соуд. 87. Шаблон. 88. Английское имя. 94. Архитектурное сооружение. 95. Высота звука. 96. Пестельина принадлежность. 97. Роман Тургенева. 98. Французский композитор. 103. Великий русский драматург. 104. Река в Якутии. 105. Явление в атмосфере. 106. Государство в Азии. 107. Изобретчик. 108. Человек, проиницип шлейфовой верой во что-нибудь. 109. Единца силь.

СМЕНА
Внощере:

Л. Субоцкий — О работе с литературной молодежью.
Андрей Шмакиневич — Железная сонка.
Борис Емельянов — Зоя и Гандар.
М. Карчевская — Страницы из биографии.
А. Дубровинская — Чистая жизнь.
Семён Гудзенко — Зеккарпатские стихи.
Б. Половой — Дом Павлова.
Николай Флёров — Поэты «Вальцовки».
Николай Погodin — Фантазии тут не при чём...
Иоанн Кессель — Погос.
Л. Розов — Ради великой цели.
В. Шкловский — Разговор с молодыми.
Б. Завадский — Мой канадское образование.
С. П. Иванов — Стервочисловое кино.
«Лесной неадекват» — дружеский шарж А. Житомирского.
Календарь «Смены», Крестовод.
На первой и четвёртой страницах обложки — рисунки художника Я. Титова.
На первой странице — в Московском государственном художественном институте. На занятиях в мастерской народного художника Р.С.Ф.С. П. Герасимова — фото Г. Борисова.

Оформление номера художника В. Урина.

ОТВЕТЫ

Кроссворд № 17—18

По горизонтали: 1. Адам. 2. Ооока. 3. Очка. 4. Бюст. 5. Олив. 6. Гривка. 7. Тарья. 8. Лулашова. 9. Дюрония. 10. Бельведерства. 11. Сто. 12. Бор. 13. Агула. 14. Вит. 15. Язык. 16. Стор. 17. Адам. 18. Павлю. 19. Морге. 20. Князь. 21. Тама. 22. Валуагу. 23. Пале. 24. Олоу. 25. Бор. 26. Лаауна. 27. Стресс. 28. Ток. 29. Клева. 30. Атои. 31. Рассвет. 32. Тонат. 33. Жерло. 34. Нобс. 35. Агрия. 36. Огера. 37. Бюст. 38. Огва. 39. Язык. 40. Флюор. 41. Дав. 42. Оил. 43. Трансформатор. 44. Динамик. 45. Фальды. 46. Штога. 47. Ярко. 48. Дюк. 49. Гуды. 50. Блок. 51. Проба. 52. Кошма.

По вертикали: 1. Алет. 2. Алет. 3. Олоу. 4. Сува. 5. Аляв. 6. Мамт. 7. Фурту. 8. Короб. 9. Язык. 10. Ооо. 11. Оил. 12. Вадра. 13. Ладет.

14. Язык. 15. Ром. 16. Стор. 17. Агва. 18. Оил. 19. Рюп. 20. Коловорот. 21. Огил. 22. Валуагу. 23. Жерло. 24. Язык. 25. Бор. 26. Вошосте. 27. Ярко. 28. Аляв. 29. Калач. 30. Язык. 31. Пале. 32. Рок. 33. Вира. 34. Света. 35. Язык. 36. Ханжа. 37. Огва. 38. Язык. 39. Огет. 40. Язык. 41. Бюст. 42. Рок. 43. Чал. 44. Логово. 45. Оил. 46. Штога. 47. Дюк. 48. Юрк. 49. Тонф. 50. Идея. 51. Парс. 52. Кляп. 53. Арс. 54. Руло.

Кроссворд № 19—20

По горизонтали: 1. Фрава. 3. Пиг. 5. Рюп. 7. Рюп. 9. Рюп. 10. Прок. 12. Оршон. 14. Аляв. 15. Трок. 16. Гюп. 17. Пале. 18. Свет. 20. Кале. 22. Арат. 24. Аляв (Варбос). 26. Нер. 27. Луря. 28. Нарк. 30. Фир.

32. Оил. 33. Лета. 34. Атра. 36. Гор. 38. Галл. 40. Соци. 42. Вона. 44. Ахон. 45. Торба. 47. Клер. 49. Бюк. 50. Агва. 51. Перу. 52. Тор. 53. Дикт. 55. Бюк. 56. Ток. 57. Батт. 61. Стетал. 62. Отнес. 63. Бур. 64. УССР. 65. Кило. 66. Наум. 67. Олет.

По вертикали: 1. Фата. 2. Морс. 3. Прет. 4. Инос. 5. Трок. 6. Шала. 7. Трок. 8. Иемо. 10. Палеи. 11. Оргил. 12. Обьяль. 13. Ильяв. 14. Спел. 15. Рок. 16. Кило. 21. Свая. 22. Арат. 23. Тута. 24. Арди. 25. Иена. 26. Шала. 28. Делон. 31. Игос. 35. Рок. 36. Рук. 37. Прод. 38. Гюп. 39. Лаво. 40. Серп. 41. Игау. 42. Бур. 43. Агва. 44. Кале. 46. Агрон. 47. Кляз. 48. Кале. 53. Лаву. 54. Тир. 55. Атом. 56. Рубо. 57. Файн. 58. Аляв. 59. Бюк. 60. Трок.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.
А-13979. Подписано и вытиснено 28/ХII—46 г.

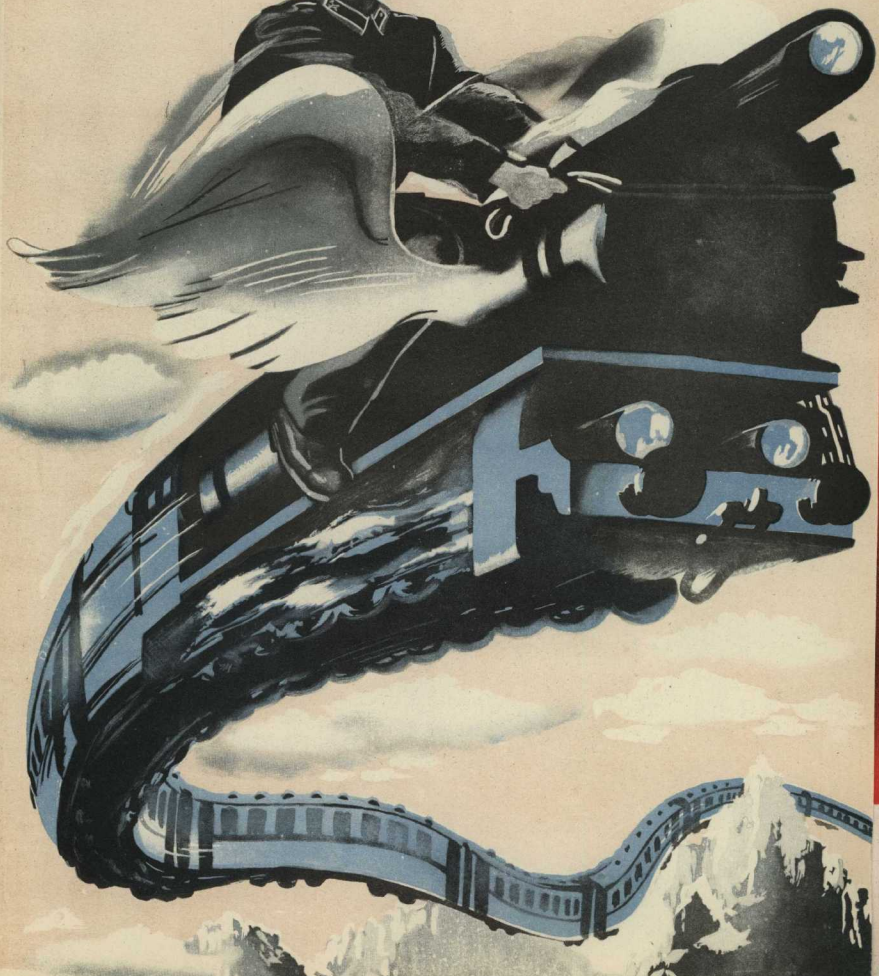
Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.
Вак. 2726.

Тираж 33 900 экз. Изд. № 724.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24

Иван Макарович Зайцев — лучший машинист курсовых поездов Далекого Востока, Западной железной дороги. Он водит составы без аварий и опозданий. Годовой план пробега им перевыполнен. Паровоз И. Зайцева всегда находится в отличном состоянии.

«Лихой неездики».

Цена 4 руб.

